

Гай Юлий Орловский

Фич@рд

Длинные Руки —
курфюрст

Ричард Длинные Руки

Гай Орловский

Ричард Длинные Руки – курфюрст

«ЭКСМО»

2011

Орловский Г. Ю.

Ричард Длинные Руки – курфюрст / Г. Ю. Орловский —
«Эксмо», 2011 — (Ричард Длинные Руки)

ISBN 978-5-699-50128-1

Блестящий рыцарь-одиночка, победитель драконов, троллей, огров, кентавров и даже Морских Всадников, он впервые сталкивается с жизнью королей, где запутанные интриги и провокации – привычная обыденность. И с ужасом понимает, что на их уровне он наивен, беспомощен и слаб, он все еще на уровне простых людей и простых рыцарей... Но что-то же спасло лягушку, попавшую в кувшин с молоком?

ISBN 978-5-699-50128-1

© Орловский Г. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Гай Юлий Орловский

Ричард Длинные Руки – курфюрст

Часть первая

Глава 1

Мысли не текут, а бегут, скачут, летят – злые, горячечные, мстительные: я не могу такое простить, проглотить, стерпеть, я расшибусь, но все верну...

Затем, по мере остывания, приходят и трезвые. У меня в руках роскошный пирог, а я, как осатаневший безумец, собираюсь драться за черствый сухарик, оставшийся где-то за Хребтом? С которым не знаю, что и делать? Выкинуть жалко, а заниматься им, когда в руках такое сокровище, да еще выход к океану, вот-вот выстрою огромный флот...

Возможно, Гиллеберд, сам того не подозревая, помогает решить эту проблему. Я могу повозмущаться против такого произвола и нарушения международных договоров, выразить протест, но отныне целиком сосредоточиться на Сен-Мари. А что фюрст, а не король, так это сейчас, когда варвары подступают с моря, а кейдановцы поднимают головы в королевстве...

Сэр Жерар вошел тихохонько, сегодня он в темном костюме, ничто не выдает его высокого статуса, кроме золотой цепи на груди, застыл у двери, неподвижный, как одна из статуй.

Я взглянул на него с раздражением.

– Сэр Жерар?

Он торопливо поклонился.

– Ваша светлость...

– Сэр Жерар, – твердым голосом сказал я, – мне придется ненадолго оставить дворец. Надеюсь, за время моего отсутствия вы его не спалите.

Он поклонился.

– Как скажете, ваша светлость. Армландию вы тоже оставляли ненадолго, кстати.

Я дернулся, посмотрел на него злыми глазами, но он ответил взглядом праведника: мол, я же вам говорил, да и все вас предупреждали и просили не зарываться.

– Ладно-ладно, – сказал я резко, – что случилось, то случилось. Будем спасать хотя бы обломки. Инструкции барону Альбрехту, сэру Растеру и полевым командирам, что так вовремя прислал граф Ришар, я оставил...

– Вас проводить?

Я подумал, кивнул.

– Да, это недалеко.

Стражи распахнули передо мной двери во двор, мраморные ступени блестят от ночного дождя, холодный злой ветер ожег лицо, гнет верхушки деревьев, небо в тучах, под ноги полетели безжалостно сорванные молодые листья.

Внизу переминаются с ноги на ногу барон Альбрехт в роскошном малиновом камзоле с плотным шитьем двойными золотыми нитями на плечах и отворотах, а также сэр Растер в полных рыцарских доспехах, даже в шлеме, хоть и с поднятым забралом.

Сэр Растер, чтобы среди придворных хоть как-то походить на придворного, набросил на плечи роскошный плащ, а на грудь повесил толстую золотую цепь, как и у барона Альбрехта, но у того выглядит, как будто с нею и родился, а у сэра Растера... несколько, ну, не совсем так, чтоб уж смотрелась.

Я произнес коротко:

– Барон... сэр Растер...

Они поклонились.

– Ваша светлость!

Я кивком велел идти следом, все трое пошли за мной молча, за нами еще двое стражей, сохраняют почтительную дистанцию, чтобы не слышать разговоры господ.

Из подземной тюрьмы вышел могучий мужик в кожаном переднике на голом торсе, лицо блестит в мелких бисеринках влаги, даже не поежился от пронизывающего ветра, глубоко вздохнул и вытер потные ладони о штаны.

Сэр Жерар издали вперил в него требовательный взгляд, но тюремщик дождался, пока приблизимся, неловко поклонился.

– Ваша светлость... изволите спуститься?

Я посмотрел на темное низкое небо, зябко передернул плечами.

– Думаю, там еще хуже. Веди сюда.

Барон Альбрехт понимающе кивнул, сэр Растер хранит молчание, как гробница древних королей. Тюремщик повернулся и пошел вниз, опираясь рукой о мокрую каменную стену.

Мы слышали, как внизу гремят ключи, затем донесся скрип тяжелых металлических дверей, снова затихающий звон, удаляющиеся голоса. Насколько помню, там длинный коридор, на каждом повороте приходится подолгу открывать железные двери, отворяются медленно и туго, любой побег отсюда практически невозможен.

Мы не обменялись ни словом, только сэр Жерар пару раз вздохнул так тяжело, что я раздраженно дернул щекой, и он поспешно отодвинулся за спины Альбрехта и Растера.

Снизу донеслись тяжелые шаги, звон цепей. Герцог Сулливан вышел в простой белой рубашке, черных брюках и в старых сапогах, с черной щетиной на щеках и подбородке, сразу болезненно прищурился от яркого солнечного света.

Все так же высок, мне почти вровень, это гигант, по здешним меркам, широк в плечах, на руках толстые железные оковы, между ними короткая цепь. Двое могучих парней в красных одеждах королевской стражи поднялись следом, а когда выбрались наверх, слегка придержали за локти осужденного к жестокой казни четвертованием.

Я смерил его угрюмым взглядом, а он проморгался и в свою очередь посмотрел на меня с откровенной ненавистью.

– Можешь не молиться, – сказал я ему с кротостью крокодила. – Я за тебя уже помолился.

Сэр Растер спросил в великом удивлении:

– Правда?

Я поморщился.

– Сэр Растер, мы же рыцари... конечно, я помолился! Про себя.

– А-а-а, – сказал он с облегчением, – все хорошо, мой лорд, а то я уж было испугался.

Барон Альбрехт посмотрел на простодушного рыцаря с ласковым укором, как на дитя. Сулливан же игнорировал нас, с предельным равнодушием глядя мимо в темно-серое небо над остроконечными крышами домов.

– Герцог Сулливан, – произнес я холодно, – вы признаны виновным и будете казнены.

Он буркнул:

– Это я уже где-то слышал.

– Просто приятно напомнить, – сказал я с тем же холодком. – Есть ли просьбы, прошения?

Он поморщился.

– От меня? Не льстите себе.

– Значит, нет, – сказал я с удовлетворением. – Это еще лучше. Приятно, когда ни пятнышка на совести... Однако у меня есть к вам предложение.

Он искривил рот.

– Повеситься самому? Нет уж, душу свою не загублю.

– Зачем же? – возразил я. – Мне самому куда приятнее видеть, как вас казнят согласно строгой и ох какой справедливой и неспешной процедуре. На труп врага всегда смотришь с великим удовольствием, не правда ли? Даже с превеликим. Но предложение заключается в другом...

Он чуть откинул голову и рассматривал меня с выражением полнейшего превосходства, как будто это он король, а я пришел просить милостыню.

Не дождавшись реакции, я поинтересовался:

– Вам даже не интересно, какое?

Он презрительно оттопырил губу и, делая мне величайшее одолжение благодаря широте своей души и величайшей щедрости, проговорил лениво:

– Ну... какое?

– Мне нужно отлучиться, – сказал я. – Из королевства. Однако ожидается нападение пиратов на Тараскон... слышали о таком?.. и его бухту. Там заложена, как вы наверняка знаете, королевская верфь. Пираты очень жаждут уничтожить там все, пока мы не построили гигантские корабли. Вам как патриоту королевства должно быть безразлично, будет в Сен-Мари... то бишь в Орифламме, могучий флот или не будет.

Он слушал с вялым интересом, наконец ответил с прежним пренебрежением:

– И что?

– Я не могу вмешиваться в работу суда, – сказал я, – иначе что это будет за справедливый и независимый? Но в моей власти временно отсрочить саму казнь. Если дадите слово, что за это время не обратите меч против тех, кто вам его вручит, я верну вам прежнюю свободу с условием, что немедленно отправитесь в Тараскон, осмотрите там укрепления и сделаете все, чтобы защитить тамошний город и верфь. Верфь мне, вообще-то, важнее. А когда вернусь, вы сдадите оружие и приедете из Тараскона сюда, где вам и отрубят голову.

Он поморщился, холодно напомнил:

– Четвертуют.

– Четвертуют, – согласился я. – Кто мы, чтобы вмешиваться в работу независимого и беспристрастного суда?

Барон Альбрехт что-то тихо хрюкнул за моей спиной, сэр Растер переступил с ноги на ногу, но смолчал, а сэра Жерара вообще как будто нет.

Сулливан долго смотрел на меня, мне показалось, что прокручивает в памяти первую нашу встречу, когда мы сошлись в трудном поединке, который я позорно проиграл и был вынужден отвести армию, а его землям предоставить независимость, вернее, оставить прежнее подчинение королю Кейдану, что еще хуже.

Это было трудное решение, меня упрекали не столько за поражение, как за предоставление ему льгот и свобод, которые я так глупо пообещал, да еще и в бароны возвел, чтобы он мог выйти со мной на поединок!

Наконец он поинтересовался с ленцой:

– Почему я?

– Все мои полководцы сейчас в Гандерстейме, – объяснил я. – Как и все войска.

Он пожал плечами.

– У вас есть герцог Фуланд, осудивший меня на четвертование. Он влиятельнее, богаче, у него связи, огромная родня...

– Возможно, – согласился я, – он и хорош, даже очень хорош. Но насколько – проверять некогда. Зато я видел, и все мои лорды видели, как умело вы укрепили свои земли. Сэр Растер, он был секундантом в нашем поединке, как вы помните, мне все уши прожужжал, что их практически невозможно захватить, разве что после долгой и кровопролитной войны, которая нам

тогда была совсем ни к чему. Как и сейчас, вообще-то. Собственно, потому я и пытался тогда все решить поединком между нами... Ваши крестьяне живут богато, это значит, ведете хозяйство умело, ухитряетесь держать хорошую армию, не изнуряя подданных налогами и поборами.

Барон Альбрехт выдвинулся чуть и встал рядом со мной.

– Очень умелые налоги, – сказал он одобрительно. – И крестьяне не разоряются, и лорд богатеет!

Я кивнул и закончил:

– Если кто-то и сумеет создать пояс обороны вокруг верфи, то это либо я, либо вы. Но меня срочные дела отзывают на ту сторону Великого Хребта...

Он морщился, кривился, хотя мне казалось, что раздумывать не о чем. Однако сэр Растер, барон Альбрехт и даже стражи за нашими спинами смотрят на него с полным пониманием, разделяя его сомнения и колебания, известные мне только умозрительно.

– Я буду защищать один? – поинтересовался он с иронией.

– В ваших землях уже собрано неплохое войско, – напомнил я сухо. – Вы собирались его использовать против меня, не забыли? Кроме того, под ваши знамена соберутся доблестные лорды со всего королевства, кто не желает служить лично мне, но готов пролить кровь, защищая королевство от пиратов. У всех у них есть неплохие личные дружины.

Он подумал, потом в глазах мелькнуло грозное веселье. Откинув голову, посмотрел на меня в упор.

– А не опасаетесь, ваша светлость, что нарушу слово?

Я фыркнул:

– Опасаюсь? Да я надеюсь на это!

Он взглянул настороженно, зыркнул по сторонам, но подсказок нет, спросил угрюмо:

– Почему?

– Мы сошлись с вами в поединке, – напомнил я. – Маркграф и простой рыцарь. Чтобы вы получили право со мной драться, я прямо там же на месте поединка возвел вас в бароны, помните? Но когда вы одержали верх, я отвел свои войска и даровал вам независимость от моей власти, чтобы вы могли и дальше считать своим сюзереном короля Кейдана. Если кто и был мною недоволен, все равно признали, что я действовал как рыцарь, благородно и честно. Разве я не сдержал слово?

Он поморщился, ответил нехотя:

– Во всем, признаю.

– Я заслужил тем поступком репутацию человека чести?

Он ответил раздраженно:

– Да.

– Честь дороже жизни, – сказал я высокомерно, – но буду рад, если это вы ради спасения шкуры нарушите рыцарское слово! Все наше сословие благородных людей увидит, каков вы на самом деле, сэр Сулливан! И я буду отомщен. Прощайте. Желаю вам забыть о рыцарской чести! Жизнь и ее блага дороже, помните.

Я сделал знак стражникам, чтобы позвали кузнеца и освободили приговоренного к казни от оков.

Барон Альбрехт, сэр Растер и сэр Жерар молча провожали меня во дворец, но в первом же зале барон взорвался злым воплем:

– Сэр Ричард, я не понимаю!..

– Чего, дорогой барон?

– Вы нарочито не взяли с него клятву? Хотя бы клятву?

Я удивился:

– Какую клятву? Клятву верности? Он ее не даст. Клятву защищать Тараскон?

– Ну, хотя бы...

– Дорогой барон, – ответил я грустно, – вы совсем уж стали политиком и никому не верите. Клятвы требуем от простолюдинов и людей с непонятно какой репутацией. Что из себя представляет Сулливан – знаем. Я не случайно захватил вас троих. Сэр Растер был не только моим, но и Сулливановым секундантом! Мы тогда по обоюдному согласию не стали приглашать его рыцарей, чтобы не откладывать начало поединка. Сулливан сам выбрал сэра Растера своим секундантом. И сейчас он видел нашего доблестного сэра Растера, смотрел в его честное лицо настоящего рыцаря, олицетворение всех рыцарских доблестей, и... решится поступить нечестно?

Барон пробормотал:

– Ну... знаете ли... это же Сен-Мари... здесь же прогнило...

– Это в городах прогнило, – напомнил я, – а в замках и отдаленных землях еще допотопная Вандея. В общем, я отбываю по срочным делам. Не развалите без меня королевство. Вернусь, со всех шкуры спущу.

Конюх вывел на длинном поводке арбогастра, тот красиво потряхивает гривой, блистает огненным взглядом и грациозно перебирает копытами. Пес пронесся по двору и снова прибежал к нам, сел на толстый зад и смотрит влюбленными глазами, умоляя приказать ему хоть что-нить, он сейчас же все выполнит!

Отец Дитрих вышел с двумя священниками, но те оба остановились, когда великий инквизитор подошел ко мне и благословил.

– Вот и подошли настоящие испытания, – произнес он грустно, – сын мой во Христе.

Я вздохнул.

– Почему Господь допускает это?

– Господь не забыл о нас, – ответил отец Дитрих строго. – Он испытывает нас. С Богом, сын мой.

– Спасибо, отец Дитрих. Надеюсь, у вас все идет без потрясений.

Он кивнул.

– Да, все по плану. Разные мелочи разве что... Вот вчера приходила старуха и уверяла, что ее из леса прямо в город перенес демон и велел явиться ко мне. Эх, суеверия...

Я спросил:

– И что со старухой?

Он посмотрел несколько удивленно.

– Как со всеми упорствующими, сын мой. Отказалась признаться, что все придумала, пришлось ее на костер. Велел удавить сперва, чтоб в огне не мучилась. Надо быть милосердными... по возможности.

– Гм, – сказал я, – ну да, без пролития крови. По возможности.

Я приложился к его руке, сердце стучит тревожно, в груди тяжелый камень. Никому не признался бы, но отцу Дитриху сказал честно:

– Мне кажется, не справлюсь.

Он сказал непривычно мягко:

– Сын мой во Христе! Вспомни старую легенду о некоем бароне, который в своем замке протянул проволоки от одной башни к другой, чтобы ветер превратил их в Эолову арфу! Нежные ветерки играли вокруг замка, но музыка никак не рождалась, и барон был опечален. Но однажды ночью разразилась невероятная буря, ужасная и чудовищная, не только сам замок, но и гора, на которой он стоит, содрогнулись от ее мощи. Барон в страхе подошел к окну посмотреть на страшный ураган, а там за стеной мир был наполнен звуками дивной музыки! Понимаешь, сын мой, иногда нужна буря, чтобы вызвать музыку! Настоящую.

Я опустил голову.

– Да, но...

– Во времена безмятежного благополучия, – сказал он, – большинство людей просто существуют. Без света в душе, без музыки в сердце, но когда буря... о, эти люди изумляют силой и мощью своей музыки не только других, но и себя. Сын мой, рассчитывай на Господа и не прячься от бури.

Он благословил меня, я чуточку ободренный пошел к арбогастру. Барон Альбрехт последовал за мной, рассерженный и угрюмый.

– Сэр Ричард!

– Да, дорогой барон.

– Мне будет легче, – сказал он с вызовом, – управляться здесь, если буду знать хотя бы примерно, что за глупость задумали на этот раз, сэр Ричард!

Я огляделся по сторонам, здесь везде уши, сказал негромко:

– Король Гиллеберд мудр, абсолютно точен и расчетлив. Он не допустил ни единой ошибки! Он просчитал все, а удар нанес в самый нужный момент. А если учесть, что его королевство на долгом подъеме, народ богатеет, ремесла развиваются, армия получила новые доспехи и прекрасное оружие... победить ее практически невозможно, а обыграть Гиллеберда – немыслимо.

Он посмотрел на меня остро.

– Да?.. А то у вас такое лицо, словно уже деретесь.

Я сказал еще тише:

– Мне кажется, я нащупал нечто, что Гиллеберд не учитывает.

– Вы же сказали, учитывает все!

– Он знает, но не принимает всерьез, – уточнил я. – Когда-то знал, но теперь позабыл, как глупость и неуместность.

– Что же это?

Я прямо посмотрел в его встревоженное лицо.

– Он умен и... полагает, что я тоже буду поступать по-умному. А по-умному, это выругаться и в самом деле отказаться от холодной, бедной и драчливой Армландии. Здесь у меня целое южное королевство! Богатое, сытое, а еще и на берегу южного океана, что дает возможности, не так ли?

Он спросил с напряженным интересом:

– Ну-ну, а в чем ошибка Гиллеберда?

– Еще не видите?

– Нет.

– Он общался со мной, – ответил я. – Мы долго обсуждали разные вопросы, он уже тогда понял, что я не дурак, умею выбирать варианты... Так вот, дорогой барон, он ошибся. Я – дурак!.. И не стану выбирать варианты, когда задета моя честь, моя гордость, мое достоинство! Я не только король... пусть и не король, но еще и оскорбленный самец.

Он усмехнулся.

– Ай-ай, какое мальчишество...

– Пусть, – сказал я злобно, – пусть мальчишество. В этом и есть ошибка Гиллеберда. Он решил, что я – умный правитель, как он. Но я не так стар, во мне все еще кипит та дурь, что в Гиллеберде давно выбурлила. Это оскорбленное чувство толкает на такую глупость, как попытаться отвоевать у Гиллеберда захваченные земли, хотя это и кажется просто немыслимо.

– А... мыслимо?

Я ответил честно:

– Сейчас даже не представляю, как. Но это, если по-умному. Однако знаю, если бы мир создавался только умными, это был бы совсем другой мир! Человечество держится не только на лжи, как уверяют... некоторые мои знакомые, но и на чести, самолюбии, уязвленной гордости и даже ущемленной гордыне. Во мне есть вся эта дурь, ущемленность, обида, баранье упорство,

нежелание считаться с реальностью... пусть эта сволочь сама считается со мной!.. В общем, барон, пришло время испытаний и... нестандартных решений.

Он вздохнул.

– Да уж, куда нестандартнее.

– Вы о Сулливане?

– А что, будут еще?

– Будут, – пообещал я.

– Господи, спаси и сохрани!

Я ухмыльнулся и вскочил в седло. Пес ликуяще подпрыгнул, я сказал с сожалением:

– Зря я тебя беру. Здесь бы отоспался на кухне, гонял бы кур, гусей, проверял, как жарят мясо...

Он обиженно взвизгнул.

– Ладно, – сказал я. – Пришло время не совсем... умных поступков. Не отставай!

Я повернул коня мордой к воротам, те распахнулись, словно почувствовали мой требовательный взгляд, с той стороны в королевский сад вошли трое очень рослых мужчин в полных рыцарских доспехах и с торчащими из-за плеч рукоятями мечей.

Я уже привык, что у сенмаринцев мечи слева у пояса, это у армландцев рукояти торчат почти под мышками, не очень удобно ходить, пока не привыкнешь, но позволяет с легкостью носить клинки в полтора раза длиннее всех, кого я видел. У этих же слишком своеобразная манера... давно такой не видел...

Далеко за воротами оруженосцы держат под уздцы рослых коней, а эти трое идут ко мне размеренно и мощно, как три колосса из неведомой страны.

Во главе рослый гигант, как бы даже не выше меня, но в плечах явно шире, массивнее, лицо отмечено шрамами, вид достаточно злобный.

Не доходя до меня трех шагов, он остановился, преклонил колено и склонил голову, глядя в землю.

Я помедлил, показывая барону Альбрехту и остальным, что и это мои подданные, хотя что-то не припоминаю таких, наконец произнес ровным голосом:

– Сэр...

Рыцарь поднялся, еще раз поклонился с неуклюжей грацией северянина, где нет изящества и желания понравиться, а только необходимый ритуал, вроде «Драсьте», распрямился и посмотрел мне в глаза. Точно выше меня, так это на палец или даже два, крепко сбитый, сухощавый, без лишнего жирка, это видно даже и под доспехами, лет ему за тридцать, даже под сорок, лицо суровое, морщин мало, зато глубокие и резкие, что не портят общего впечатления, как от человека мужественного, битого жизнью, много повидавшего, умеющего встречать опасность, не отводя взгляда.

– Ваша светлость, – произнес он сильным голосом.

– Кто вы, сэр, – поинтересовался я. – И что привело вас в наши края?

– Клемент Фицджеральд, – ответил он почтительно. – Баннерный рыцарь, воевал, командовал конными отрядами, пехотой и даже лучниками. Знаком как с прямыми атаками, так и рейдами в тыл противника. Несколько лет отвечал за объединения, что выполняли самостоятельные задачи.

Я наклонил голову, этот Фицджеральд выглядит опытным воином, но кое-что прояснить нужно до того, как приму какое-то решение.

– Сэр Клемент, – сказал я, – у вас странные цвета и незнакомый девиз. Вы явно не из Армландии?

Он чуть кивнул.

– Совершенно верно, ваша светлость. Я вассал барона де Пусе.

Я охнул:

– Ого! Далеко же вы забрались!

– Ваша светлость, – ответил он с достоинством, – до наших земель докатились слухи, что простой рыцарь из наших земель, даже не баннерный, у вас на службе стал бароном...

– Вы о бароне Жераре де Брюсе? – спросил я. – Он показал себя очень хорошо в боях, а баронский титул и земли заслужил в жестоких схватках, когда первым поднялся на стену вражеской крепости и сбросил вниз знамя противника.

Он порывисто вздохнул.

– Я знаком с Жераром де Брюсом, – сказал он. – Он поручится за меня. Ваша светлость, я хочу поступить к вам на службу!

– А что за люди с вами? – поинтересовался я.

– Из наших краев, – ответил он. – Как только узнали, что я готовлюсь пойти вслед за де Брюсом, ко мне начали стягиваться безземельные рыцари, младшие сыновья лордов, просто хорошие воины... Я не брал всех, ваша светлость! Я принимал только тех, за кого мне стыдно не будет.

Я чувствовал громадное облегчение, но виду показывать нельзя, сказал с отеческим благодушием:

– Если будете служить так же верно, как это делает барон де Брюс, то у вас появятся и титулы, и земли. Я жажду вести тихую, мирную жизнь отшельника и книжника, но так уж получается, что сам поднимаюсь по лестнице титулов, и поднимаются все, кто мне служит!

Он поклонился.

– Ваша светлость, я клянусь служить вам верой и правдой. Я приложу все усилия, чтобы все ваши указания и распоряжения были выполнены. У меня никого нет в землях, которые я оставил, и нет никого здесь. Так вся моя жизнь будет в служении вам, ваша светлость!

– Добро, сэр Клемент, – сказал я растроганно, – я распоряжусь, чтобы вам выделили места для отдыха, перековали коней, если понадобится, исправили оружие и доспехи... а потом я возьму вас с собой.

Его глаза загорелись.

– Ваша светлость! Это даже больше, чем мы мечтали!

Ну еще бы, мелькнуло у меня. Ты и подумать не можешь, что беру вас не из-за особого доверия или приязни. Когда тонешь, то и за гадюку схватишься.

– Как только переведете дух, – сказал я, – берите отряд и отправляйтесь обратно через Тоннель в Армландию. Вы там проехали, когда добирались сюда. Вам нужно будет прибыть... прибывать... скажем, к замку маркиза Ангелхейма. Туда я велю собираться всем рыцарям, которые еще остались в Армландии.

– Ваша светлость, – сказал он истово, – все будет исполнено!

– Отлично, – сказал я. – Вижу, горите желанием добыть честь и славу в жарких боях! Это я вам обеспечу. Ну, а о добыче благородные люди не говорят, хотя она будет выше всяких ожиданий, обещаю.

Глава 2

Барона де Пусе за глаза называли Крысой, в мире воинов он не котируется, но эту слабость восполнял хорошими отношениями с многочисленной родней, что поможет в случае чего, а также поддержит своим авторитетом в принадлежащих ему деревнях.

Еще Гунтер мне объяснял, что барон налоги собирает небольшие, в жизнь деревень не вмешивается, за что его считают лучшим из хозяев, и если кто из соседних лордов вздумает вторгнуться в земли барона, то сами крестьяне будут доносить хозяину о каждом шаге противника, тому придется везти все с собой, ибо в землях де Пусе не отыщут ни хлеба, ни сена, а по ночам будут недосчитываться часовых и тех, кто по нужде отлучился дальше, чем светит костер...

Словом, барон уже оказал мне большую услугу, послав на помощь начальника своей стражи Жерара, а теперь вот помог собраться и отправил ко мне отряд намного больше по численности. Нужно будет барона де Пусе иметь в виду на случай, если под рукой окажется какая-то мелкая награда.

Тяжелое гнетущее состояние, что расплющивало, как ганнибаловы слоны римлян, начало оставлять, когда проскочили Тоннель, а громада Великого Хребта начала быстро уходить за спину.

Сквозь холодный, злой ветер мы неслись по узкой щели между темным небом и мрачной землей, как между молотом и наковальней. Бобик мчится рядом очень серьезный, чувствует, не время давить по дороге оленей и кабанов.

Я продрог на свирепом ветру, но, когда впереди выросли высокие стены Вексена, ощутил вдруг с теплотой, что королевство Фоссано, где правит мой сюзерен, король Барбаросса, все еще родное, здесь прошла, можно сказать, часть моего детства, безоблачного, как теперь понимаю.

– Никого не стопчи, – предупредил я арбогастра, – это наши как бы друзья... Бобик, не улыбайся! От твоей улыбки заиками становятся.

В город привычно тянутся подводы с продовольствием, через широко распахнутые ворота гонят стада коров на городские бойни, привычный мир, но я осматривался очень заинтересованно.

Барбаросса богатые и цветущие земли королевства Фоссано сумел сделать еще более богатыми и цветущими, этого от свирепого рубачи никто не ожидал. Я хорошо помню, когда по городу проехали герольды и под звуки труб возвестили, дескать, сегодня в полдень состоится свадебная церемония, благородный король Фердинанд Барбаросса берет в жены Алевтину, дочь короля Джона Большие Сапоги.

Хотя Барбаросса далеко не благородного происхождения. То есть отважный и очень рискованный сорвиголова. То ли в самом деле рыцарь, то ли объявивший себя рыцарем разбойник, что собрал десяток таких же и с ними захватывал ничейные земли, укреплял власть, подчинял мелких, а затем и крупных хозяев, а когда в соседнем королевстве начались распри, стремительно вторгся, используя большой торговый караван в виде прикрытия, захватил королевский дворец, убив растерянного короля и провозгласил себя сюзереном.

Даниель, старшина купеческого союза вольных городов Мальбрука, на пиру в честь свадьбы короля Барбароссы сказал мне, что торговые союзы поддерживают Барбароссу, потому что тот положил конец распрям, прижал соседей, очистил земли от нежити, и все двадцать лет его правления королевство только богатеет, а простолюдины не перестают молиться за его здоровье.

Когда мы приблизились к воротам столицы, Бобик и Зайчик привычно ринулись обгонять стадо коров и перепрыгивать через телеги. Стражи только успели повернуть головы, как

мы пронесли мимо и пропали в тесноте улочек. Вскоре распахнулась площадь, а за ней на той стороне – величественный королевский дворец, окруженный заботливо выдвинутым далеко вперед забором из толстых металлических прутьев, имитирующих копыя кверху остриями.

К моему удивлению, меня узнали моментально, а я же здесь коннетабль, офицер козырнул, а стражи торопливо распахнули ворота. Арбогастр влетел на королевский двор, звонко цокая подковами, гордо и красиво пронесся по вымощенной цветными плитами дорожке к ступеням дворца.

Бобик мчался длинными прыжками рядом, собранный и настороженный, на меня косится умоляюще.

– Ну что тебе еще? – крикнул я. – Возьму-возьму, только держись, как мышь в норке!

Был соблазн въехать на коне и в зал, в прошлый раз я так и сделал, но сейчас, увы, я не в том положении...

Со всех сторон сбежались стражи, приблизиться устремились, глядя со страхом на Адского Пса, хотя тот даже не смотрит на них, чтобы не пугать.

Я покинул седло, арбогастр посмотрел на нас двоих с укором.

– Я недолго, – заверил я, а воинам велел строго: – Кормить и холить!

Один ответил несмело:

– Знаем, ваша светлость. Я сам ему в прошлый раз гвозди носил... Жрет, как сухую солому!

– Прекрасно, – ответил я.

Ступеньки замелькали под подошвами, я влетел в первый зал, куда являются все придворные, быстро пересек и вбежал в следующий, поменьше, куда допускаются уже не все, а в третьем – вообще народу мало, только высшие лорды.

Нам с Бобиком загородил дорогу огромный и величественный церемониймейстер.

– А вы куда... Ох, простите, ваша светлость, я вас не сразу... богатым будете!

– Я стал мельче? – спросил я и, не дожидаясь ответа, поинтересовался: – Как Его Величество?

Он ответил с поклоном:

– Здоров. Сейчас ведет прием посетителей и просителей...

– Это то, – сказал я, – что мне оно. Я и есть этот самый проситель.

Он улыбнулся, давая понять, что шутку понял, наклонил голову чуть ли не к плечу.

– Если хотите поприсутствовать, я проведу вас в зал. Только как насчет собачки...

– Она очень тихая, – сказал я.

– Ну, если и останется тихой, тогда можно...

– Премного обяжете, – ответил я.

– Следуйте за мной, ваша светлость.

– Только не объявляйте, – попросил я. – Так, постоим в задних рядах.

Он сказал в нерешительности:

– Коннетаблю королевства вроде бы не совсем... однако да, как изволите. Вам Его Величество позволяет всякие вольности по старой дружбе.

– Изволю, – ответил я и слегка смягчил, добавив: – Нам так удобнее. Мы скромные.

– Наслышан...

Он сам распахнул перед нами дверь, но входить не стал, а я проскользнул, стараясь не выделяться, хотя с моим ростом это трудновато, встал позади пышно разодетых придворных, все одеты как на продажу, а пышные шляпы с веером перьев позволяют мне прятать лицо. Бобик смирно сел рядом и старался дышать как можно тише, чтоб никто не оглянулся и не заорал, увидев его клыки на уровне своего лица.

Всего четыре ряда, дальше свободное пространство в четыре-пять ярдов, это где коленопреклоненные просители излагают свои жалобы, а дальше на небольшом помосте в двух рос-

кошных креслах восседают Барбаросса и Алевтина. За их спинами высятся очень серьезные сэр Маршалл и молодая красивая женщина, прима-фрейлина королевы.

Я подумал, что впервые вижу Алевтину рядом с королем, обычно Барбаросса принимал меня в кабинете, куда свободно вхожу разве что сэр Уильям Маршалл.

Коленопреклоненный проситель путано излагал жалобу на людей сэра Карла Людвиг Бёрне, что не следят за скотом, а тот забредает на их поля и тем самым наносит почти непоправимый ущерб посевам, а также чести и достоинству местного лорда...

Барбаросса, надо отдать ему должное, вот уж отец народа, не зевает, не чешется и не смотрит по сторонам, а как бы даже слушает, во всяком случае, лицо такое, отценародное. Алевтина тоже смотрит внимательно, могучая и красивая, чуть располневшая за годы со дня замужества, настоящая королева: рослая и внушающая, такая что угодно на скаку остановит.

Барбаросса в черном камзоле, на котором выгодно смотрятся огромные серебряные украшения, а массивная золотая цепь с крупным драгоценным камнем в самом низу сразу дает понять, что выше этого человека в королевстве нет никого.

Алевтина тоже в черном, но обилие серебра на платье, крупные гроздья бриллиантов, оттягивающих уши, и блистающая корона в волосах говорят о том, что о трауре нет и речи. Возможно, черное для того, чтобы было меньше работы прачкам, женщины – существа практичные, а королевы – тоже местами женщины.

Сэр Уильям время от времени отечески пробежал взглядом по рядам вельмож, иногда наклонялся к королю и что-то шептал ему на ухо. Мне показалось, что высмотрел и меня, как я ни прятался среди шляп. Во всяком случае, когда в очередной раз наклонился к королю и что-то шепнул, тот вдруг вскинул голову, в глазах появился странный блеск.

– А это кто там затаился? – произнес он зловещим голосом. – Лорды, прячьте кошельки! И своих жен тоже...

Церемониймейстер неслышно появился со мной рядом, поклонился и сказал громовым голосом:

– Коннетабль Его Величества сэр Ричард!.. Простите, Ваше Величество, но это было желание сэра Ричарда войти вот так тихо.

Придворные от меня отступили и почтительно кланяются, на лицах смятение пополам со жгучим любопытством. Кто-то все-таки вскрикнул дурным голосом, увидев смирную собачку.

Король мощно прогрохотал с трона:

– Точно что-то украсть надумал!.. Он никогда не бывает тихим. Сэр Ричард...

Я приблизился, велел Бобику сидеть, и преклонил колено.

– Ваше Величество...

Он сделал жест подняться, я встал и с предельным почтением посмотрел ему в глаза. Барбаросса выглядит сытым и довольным, тоже заметно пополнил от счастливой жизни, даже темные круги под глазами исчезли. Алевтина светится довольством и благополучием, на меня смотрит с соболезнаванием, сразу женским чутьем уловив, что мне как раз хреново.

Барбаросса поднялся, огромный и массивный. Все превратились в слух, а он сказал мощно:

– Прием продолжит сэр Уильям Маршалл. Ему доверено решать неотложные вопросы, как решал бы их я сам... А вы, сэр Ричард, следуйте за мной.

Маршалл бросил на меня кислый взгляд, тоже интересно, что же привез за новости, ни разу еще не являюсь просто поболтать и чайку попить, но с выражением полного достоинства на лице выдвинулся вперед, встал около трона и кивнул просителю.

– Продолжайте, сэр.

Королевские покои везде располагаются по единому принципу: король должен как можно меньше находиться среди толпы. И здесь, покинув трон, Барбаросса не пошел через длинный

зал, отвечая на поклоны, а соступил с помоста влево и через два шага вошел в охраняемую боковую дверь.

В зале раздался многоголосый вопль, Барбаросса даже не оглянулся, как и я, сообразив, что бедный Бобик измучился целых две минуты сидеть в полном одиночестве и стремительно нагоняет хозяина и того, кого однажды охранял в лесу.

В коридоре крепкая стража в стальных доспехах громко стукнула тупыми концами копий в пол, приветствуя короля, заодно и меня, того самого, благодаря которому уже многие из их собратьев нежатся в сказочном южном королевстве Сен-Мари на берегу теплого моря.

Бобик шел сзади, неслышно переступая толстыми лапами, но в кабинет короля все же пролез первым. Там, на мой взгляд, ничего не изменилось, словно последний раз я был сегодня утром. Неслышное тепло коснулось моей холодной и быстро черствеющей души, растеклось по всему телу.

Король прошел вперед, тяжело опустился в кресло, посмотрел на меня с вопросом в глазах.

– А ты чего стоишь?

– Жду приглашения, Ваше Величество, – ответил я предельно скромно. – Как и собачка.

Он изумился:

– Когда это тебе требовалось приглашение? Ты не болен? А то какой-то странный... Садись-садись, совсем тебя не узнаю. Или хочешь спереть что-то совсем уж непомерное?... Смотри, собачка уже села.

Я деликатно опустился в кресло, Барбаросса все еще смотрит недоверчиво, ждет подвоха.

– Ну и что, – спросил он наконец, – у тебя там творится?

Я ответил кротко:

– Милостиво данной вами, Ваше Величество, властью я продолжаю осуществлять в меру моих скромных сил правление в вашем вассальном королевстве Сен-Мари, завоеванном и приведенном к покорности вашими доблестными войсками и отважными рыцарями...

Он прервал, хлопнул в ладоши и велел зычно:

– Вина и еды! На троих. Нет, на шестерых, я тоже немножко поклую... И окорок побольше для песика. Продолжайте, сэр Ричард, продолжайте. Очень интересно, особенно насчет данной мною власти, да еще милостиво, ваших скромных сил, моего вассального королевства и наших доблестных войск... Слушаю и по сторонам смотрю, о ком это?

– Ах, Ваше Величество, – сказал я скромно, – я как ваш преданнейший коннетабль не только захватил то разнеженное и увязшее в роскоши и распутстве королевство, но и привел к покорности мятежный Гандерсгейм, где хозяйничали варвары. Сейчас вот строю огромный и могучий флот... и все думаю, назвать ли флагманский гордым именем «Барбаросса» или же «Король Барбаросса»?.. А может быть, то и другое, а третий поименовать «Алевтиной»?

Он сказал сердито:

– А это еще что за шуточка? Чтобы говорили, что ездят на Алевтине, что Алевтина скрипит, Алевтина принимает всю команду?

Я поклонился, пряча взгляд, Барбаросса проговорился, дав понять, что, несмотря на показное недоверие, воспринимает мой рассказ достаточно серьезно.

– Хорошо, Ваше Величество, – сказал я покорно, – сами назовите парочку следующих. Вы сумеете, как никто, дать гордые и красивые, как павлины, имена!

Слуги внесли и расставили по столу холодные закуски. Один вытащил из шкафа два серебряных кубка, второй быстро и красиво налил вина.

– Промочи горло, – посоветовал Барбаросса. – Как бы ни добирался быстро на своем черте, но пыли наглотался.

Еще двое слуг внесли впереди себя, откинувшись назад всем корпусом, целиком зажаренного кабана.

Барбаросса вскинул в удивлении брови, а один из слуг объяснил виновато:

– В прошлый раз собачка сэра коннетабля сперла у нас из кухни именно вот такого... Так лучше уж мы сами, Ваше Величество...

– Разумно, – одобрил Барбаросса и продолжил, обращаясь ко мне: – Как видишь, у меня даже самые низшие слуги делают то, что считают нужным для короля и королевства. И даже для собачки. И меня не спрашивают! Вот как обесценилась моя власть...

Я сказал с глубоким уважением:

– Ваше Величество, я уже малость побывал в шкуре отдающего приказы. Это только дураку приятно, да и то в первые дни, покрикивать и повелевать, а потом понимает, что это такая нудная и грязная работа, у золотаря и то чище... И каждый начинает выстраивать ее так, чтобы делалась без окриков и подталкивания как бы само по себе, без напоминаний и указывания пальцем. Вам это удалось, искренне восхищаюсь и завидую. Сэр Уильям сейчас говорит в зале те же слова, что говорили бы вы...

Он вяло отмахнулся.

– Лучше. Удивляюсь, этот старый зубр все время учится, а мне как о стенку горохом!

Под столом довольно урчало, чавкало и взрыкивало, словно сам Барбаросса там пирует напропалую.

Барбаросса прислушался к хрусту костей, довольно и с некоторой завистью заулыбался.

– Вот кто самый счастливый.

После холодной закуски принесли горячую, я ел быстро, король лениво погрыз чуть гусиную лапку и бросил ее под стол, там довольно клацнули зубы, мгновенно захрустели перемалываемые тонкие косточки и снова продолжился труд над кабанчиком.

Не переставая работать над гусем, я очень подробно рассказал, как вторглись в Гандерсгейм, как войска из Фоссано, мудро и своевременно посланные Его Величеством, с легкостью захватывали королевства... да-да, королевства!.. не меньше двух десятков захватили с ходу, потом вышли к океану, а в это время я начал строительство большого флота из гигантских кораблей, вы не поверите, Ваше Величество, каких огромных, а сам на двух каравеллах, так называются гиганты чуть поменьше, совершил рейд в океан и обнаружил там целый архипелаг, который Его императорское Величество Генрих Третий пожаловал мне вместе с титулом эрцгерцога...

Он пробормотал:

– Уже эрцгерцог?... Господи, а еще не вечер.

Сэр Уильям явился раньше, чем я предполагал, еще от двери сказал успокаивающе:

– Важных вопросов не было, а мелочи разберут сэр Теодор и сэр Каспар. Я с вашего милостивого разрешения их давно натаскиваю.

– Разумно, – сказал Барбаросса.

Сэр Уильям спросил с интересом:

– Что наш дорогой друг сумел украсть кроме подсвечников?

– И двух полков отборной конницы, – проворчал Барбаросса, – но пока темнит.

– Значит, – предположил сэр Уильям, – сопрет, так уж сопрет... Сэр Ричард?

Он, как и король, посматривал на меня с непонятным удивлением в глазах, а когда на лице начало проступать выражение крайней подозрительности, я спросил прямо:

– Сэр Уильям, что-то случилось?

– Не знаю, – ответил он. – Это, вообще-то, вопрос к вам, сэр Ричард.

– Какой?

– Что-то случилось? – произнес он с расстановкой. – Точнее, катастрофа?

– Ну почему, – пробормотал я с неудовольствием, – как я, так и катастрофа...

– Серьезный вы больно, – пояснил он. – Все прошлые разы, когда мы виделись, вы сверкали и бурлили, как водопад шуток и остроумия, кусали и злили, а сейчас вас не отличить вон от тех статуй. Или настолько огосударствились?

Я помолчал, вздохнул и ощутил, что прозвучало настолько тяжело, что да, катастрофа, мне не до шуточек.

– Все вместе взятое, сэр Уильям. Короны, оказывается, тяжелые штуки. На мне сейчас эрцгерцогья, и то шея подламывается. Соболезную Его Величеству.

– Да что случилось?

Он тяжело опустился за стол, цапнул кубок с вином, разом осушил, лицо слегка порозовело, а он покрутил головой, дескать, хорошо-то жить, оказывается, кто бы подумал.

Глава 3

Я вздохнул и сам ощутил, как медленно темнеет мое лицо, гаснет блеск глаз, а улыбка превращается в гримасу.

– Вы меня предупреждали, – сказал я невесело, хотя и не помнил, чтобы предупреждали, но лучше такое сказать самому, чем обязательно скажут они, – говорили, чтобы я не зарывался... Но, увы, теперь вижу, что вовсе не мудрый и предусмотрительный, каким себя считал, а дурак дураком. А еще и самоуверенный без меры...

Сэр Уильям покосился на Барбароссу, тот кивнул, и сэр Уильям спросил участливо:

– Сэр Ричард, ошибок не делает только тот, кто еще не родился. Что за беда такая у вас?

Я помолчал, собираясь с мыслями и прикидывая, с чего начать, Барбаросса проворчал:

– А ты знаешь, что он уже эрцгерцог? Титул получен от заокеанского императора! Теперь я точно что-то не понимаю.

В его мощном голосе проскользнула даже не угроза, а всего лишь неудовольствие, но меня передернуло, будто попал под удар молнии.

– Ваше Величество, – произнес я преданно, – вы же знаете, Сен-Мари завоевывалось вашими войсками! Пусть даже две трети считают себя армландцами, но я не сепаратист, я убежден, что Армландия – неделимая и неотъемлемая часть королевства Фоссано!.. Таким образом и королевство Сен-Мари – вассальная территория вашего Фоссано. И даже те острова – часть королевства Фоссано, хотя мне и подарил их император, обретающийся на Юге!

Сэр Уильям проворчал уязвленно:

– Хорошо дарить то, что самому не принадлежит. Мы тоже так умеем. Особенно Его Величество...

Барбаросса посмотрел на него волком, обратил царственный взор ко мне.

– Так, про успехи слышали. А теперь давай про то, о чем будешь говорить быстро, вскользь и шепотом.

– А еще почему, – сказал сэр Уильямс с удовольствием, – дурак дураком?

– Да-да, – поддержал Барбаросса, – и громче, громче! С выражением. Мое Величество это любит.

Я вздохнул.

– Смеетесь, думаете, что какие-то пустяки... Но это в самом деле серьезно. Я потерпел поражение. И без вашей помощи у меня нет шансов. Вообще!

Оба посерьезнели, Барбаросса промолчал, сэр Уильям кивнул.

– Начинай.

– Как я уже рассказал Его Величеству, – сказал я, – победы сыпались со всех сторон. Сен-Мари полностью под нашим контролем, что значит – под вашей властью, Ваше Величество. То же самое и с Гандерсгеймом, где мы практически уничтожили все вражеские войска и захватили все земли. Одну из бухт в Сен-Мари я сумел обезопасить от пиратов, теперь там строится настолько могучий флот, что сметет всех пиратов с лица Земли, а Его Величество станет королем всех океанов!.. И вот тут-то я и просчитался.

– В чем? – потребовал сэр Уильям.

– Что Его Величество, – сказал Барбаросса иронически, – то есть мое Величество станет королем океанов. Щас он мне так и подарит это мокрое королевство!

– Вы им станете, – заверил я. – Только погода. По дороге некоторый облом... Для того чтобы захватить Сен-Мари недолгой, изнурительной войной, в которой у нас не было шансов, так как Сен-Мари богаче и сильнее Армландии и даже, простите, Фоссано, я увел из Армландии, как вы знаете, все войска! И рыцарей, и пеших, и вспомогательных. Потом из покоренного Сен-Мари я двинул все эти войска в Гандерсгейм...

– Зачем? – спросил Барбаросса.

– Опять же, – ответил я, – чтобы не увязать в долгой войне. Мы практически сокрушили варваров...

Барбаросса нахмурился, явно хочет сказать про необходимость надежного тыла, сэр Уильям как услышал его мысли, повернулся ко мне, ожег строгим взглядом.

– Самонадеянно, – произнес он. – Не укрепив тыл? И что, в Сен-Мари вспыхнуло восстание?

Я покачал головой.

– Нет, Сен-Мари полностью под контролем. Местные лорды мне верны... В основном.

– Так в чем же дело?

Я вздохнул, обвел их тоскливым взглядом.

– Гиллеберд вторгся в Армландию.

Сэр Уильям грубо выругался, Барбаросса с силой ударил кулаком по подлокотнику, брови сдвинулись над переносицей, а глаза грозно засверкали.

– Сволочь, – сказал он с нажимом. – Хитрый лис, никогда не вступит в сражение, пока не убедится, что противник впятеро слабее! Он не рыцарь!

– Зато король, – буркнул Уильям. – И армию, как мы знаем, готовил долго и старательно. Барбаросса обратил на меня гневный взор.

– Что Гиллеберд успел к этому времени?

– Продвигается в глубь Армландии, – ответил я с тоской. – Укрепленные замки обходит, все равно сдадутся, а сам старается захватить как можно больше земель.

– Всю Армландию?

– Да, – нехотя признал я, – это ему сейчас по силам. Но уверяет, что только часть.

– Врет, – сказал сэр Уильям убежденно.

Барбаросса кивнул.

– Да, он не остановится, пока не подойдет к Тоннелю. И в его руках окажется контроль над всей торговлей с Югом!

Они надолго задумались, Барбаросса покрутил в пальцах кубок с вином, но машинально отставил. Боевой огонь в глазах Уильяма медленно угасал, лицо первого советника короля мрачнело.

Я напрягся, готовясь услышать то, чего боялся больше всего. Сэр Уильям старался не смотреть на меня, а когда заговорил, в голосе было полно горечи:

– Мы не готовы воевать. Часть наших войск в самом деле сейчас по ту сторону Великого Хребта. В этом самом проклятом Сен-Мари. Остальных нужно еще долго собирать. А у Гиллеберда прекрасная и хорошо вооруженная армия. Его Величество прав, Гиллеберд не нападает, пока не убедится, что противник впятеро слабее. Он точно просчитал все, сэр Ричард.

Барбаросса пробормотал:

– И учел нашу возможную помощь.

– Наверняка, – согласился сэр Уильям. – Его шпионы в последнее время слишком уж активно собирали сведения о наших настроениях, военных силах. Он знает, что если и выступим на помощь, он успеет как укрепиться в замках, так и перекрыть мосты и дороги.

Барбаросса рыкнул:

– Черт, какая же хитрая сволочь! И не бросишь ему вызов на поединок!

Сэр Уильям пожал плечами.

– Почему? Можете бросать сколько угодно.

Барбаросса поднял на меня угрюмый взгляд.

– Похоже, в самом деле Гиллеберд всех нас обыграл вчистую. Еще до начала войны.

– Войны не будет, – сухо сказал сэр Уильям. – Сэр Ричард совершил серьезнейшую ошибку, оставив Армландию без защиты, так что Гиллеберд берет ее фактически без боя. Нам

пришлось бы двигаться через те проклятые болота, где нет дорог. Это погубит половину армии! А та, что измученно выберется на берег, поляжет под ударами его хорошо обученного и отдохнувшего войска.

Барбаросса снова ударил кулаком по подлокотнику.

– Сволочь, сволочь!.. Он заберет у меня всю Армландию!.. И границей будут именно эти проклятые болота!

– А с южной стороны, – сказал сухо сэр Уильям, – Великий Хребет.

Барбаросса в ярости смял кубок в могучей длани и швырнул через всю комнату.

Я напомнил отчаянно:

– Под Хребтом Тоннель...

– И что? – спросил сэр Уильям зло. – Считаю, что его нет! Закрывать его легко с любой стороны. А если пользоваться, то лишь с разрешения Гиллеберда. И на его условиях.

Я сказал отчаянно:

– Не решайте сейчас! Дайте мне шанс...

Барбаросса прорычал:

– Да нет шансов...

– Я поговорю с королем Роджером Найтингейлом, – пообещал я. – Королевство Шателлен примет нашу сторону!

Барбаросса угрюмо смотрел на меня исподлобья с нескрываемой злостью.

– Думаешь, – прорычал он, – сэр Уильям не подумал о нем? Шателлен – слабое королевство, армии в нем почти нет, сам король воевать очень даже не любит.

Я сказал умоляюще:

– Но кто же должен быть?.. Кто с той стороны Турнедо? Королевство Варт Генц? У меня с ними торговый договор...

Сэр Уильям поморщился.

– Сэр Ричард, не хватайтесь за соломинку, это не по-мужски. Варт Генц заключает лишь те торговые соглашения, которые выгодны ему. Кстати, как и все мы. С какой стати Варт Генц будет поддерживать вас в ненужной ему войне?

– Не знаю, – ответил я растерянно. – Но какой-то выход же должен быть? Ну нельзя же так... Почему я должен проиграть так сокрушительно?.. Это другие могут, но не я...

Я чувствовал, насколько выгляжу жалким, Барбароссе уже противно, старается вообще на меня не смотреть, а сэр Уильям произнес с великой неохотой:

– Дело в том, сэр Ричард, что для кого-то как раз вы – «другие». Которые проигрывать могут сколько угодно.

Барбаросса попытожил усталым голосом:

– Давайте на этом закончим. Уже ночь на дворе. День был тяжелым... Сэр Ричард, вас проводят в ваши покои. Собачку можете оставить. Спокойной ночи!

Я поднялся, отвесил церемонный поклон.

– Ваше Величество...

Он кивнул, и я удалился в коридор, куда Пес ухитрился выскользнуть, словно умеет становиться худым, как червяк, раньше меня. Молчаливый слуга поклонился и жестом попросил следовать за ним.

Бобик помнит ту комнату не хуже меня, первым взбежал на этаж и сел возле двери, показывая, что вот, нашел, что бы мы без него делали.

– Спасибо, – сказал я, обращаясь то ли к Бобику, то ли к слуге, то ли к тем, с кем разговариваю мысленно. – Спасибо...

Совсем не печалиться нельзя, но и слишком скорбеть – тоже. Мудрецы сказали, что человек пусть белит дом свой, но пусть оставляет небольшое место небеленым в воспоминание о Иерусалиме.

Я напоминал себе эту нехитрую истину, чтобы душа не сгорела в незримом огне отчаяния и злости. Знаю, война – нехорошо, все мыслители ее осуждают, я – тем более, как великий мыслитель и чистейшей души паладин, но как же хочется схватить что-то тяжелое в руку и бить по головам гадов, что посмели, напали, вероломные, подлые, такие вообще не должны жить и загрязнять окружающую среду...

Я отослал слуг, сел на край ложа, скинул правый сапог с натруженной ноги и остался так в тупом оцепенении, когда мысли ворочаются толстые, сонные и отупевшие, а сам я чувствую себя на уровне развития хламидомонады...

Некий сгусток тумана, похожий на пар из кухонного котла, выплыл из стены. Я видел краем глаза и не обращал внимания, но тот не рассеялся, а стал еще плотнее.

Я устало повернул голову, туман с трудом обретает какую-то форму, в верхней части проступило некое подобие лица, тут же смазлось, как под порывом ветра, начало восстанавливаться снова.

– Логирд, – проговорил я, еще не веря себе. – Это ты?

После паузы прошелестело нечто едва слышное:

– Да-а...

– Логирд, – сказал я радостно. – Как я рад, что с тобой ничего не случилось!

В тумане снова проступило лицо, на этот раз удлинненное и с тяжелой лошадиной челюстью.

– Разве, – прошелестело оттуда, – не случилось?

Я сказал бодро:

– Многие хотели бы вот так, как получилось у тебя!

Туман колыхался, я видел, что некромант пытается закрепить формы, но удалось только с лицом, а ниже туман продолжал клубиться бесформенный и неопрятный.

– А я уже устал, – прошелестел все тот же безжизненный голос, лишенный оттенков. – Трудно оставаться... когда ничто животное не держит... Человек не может одним разумом, это я ощутил... И скоро растаю, исчезну...

– Нет, – сказал я в тревоге, – если ты здесь, то это и есть твое чистилище!.. За твое самопожертвование ты не попал в ад, но и в рай тебе нельзя... пока... пока ты не сделаешь что-то важное!

– Боюсь, – ответил он тихо, – не успею. Мне открыто многое, но без неизменных человеческих желаний все ненужно, неинтересно, ни к чему...

Я сказал быстро:

– А ты можешь предсказывать будущее?

Он покачал головой.

– Будущего еще нет. Потому предсказать его нельзя. Точнее, невозможно. Кто предсказывает – лгуны. Но могу сказать, что когда Темный Бог убил меня, он забрал и все мои умения. А вы, сэр Ричард, убив Терроса, забрали и его умения, и мои, и всех, кого он поглотил. Например, вы можете вызывать души мертвых...

Я сказал резко:

– Ни за что!.. Даже если Террос еще во мне, я темным не стал.

Логирд прошелестел едва слышно:

– Он в вас, сэр Ричард... Отныне в вас и пребудет... Самое большее, что можете сделать – не пользоваться его мощью.

– Вот и не буду, – отрезал я. – Это нечистая мощь.

– Мощь, – шепнул он, – как многие ошибочно полагают, не может быть чистой или нечистой... Дескать, просто мощь. И вы не утерпите...

– Утерплю, – пообещал я.

В сгустке тумана темные впадины глазных ям стали глубже и чернее, проглянуло жуткое небо, во мне застыла кровь, когда я увидел далекие холодные звезды.

– Человек, – произнес он совсем тихо, – может удержаться от всего. Но не от применения силы. Весь человек... в силе... И вы станете Темным. Это неизбежно...

– Логирд!

– Станете, – повторил он, – если только...

– Что?

– Если только, – договорил он, – если в вас мощи не меньше...

Он таял на глазах, я вскрикнул:

– Логирд! Не уходи!

– Еще вернусь, – донесся затихающий голос. – Еще не конец...

Он исчез, а я остался сидеть в той же глупой позе, когда один сапог лежит на ковре, а второй на мне. Логирд прибыл вовремя или не вовремя, это с какой стороны смотреть, со дна сознания как раз начала было всплывать соблазнительная мысль воспользоваться темной силой, а то и черной короной. Драконом вряд ли здесь смогу, это потухребтовая возможность, даже птеродактилем, но все равно что-то да сумел бы, я же гуманист и человек высокой культуры, мне соблюдать рыцарство ни к чему, мне нужен результат...

Два чашки горячего крепчайшего кофе ошпарили горло и внутренности, заставили сердце стучать чаще, разгоняя застывшую, как у глубоководной рыбы, кровь. Внутри черепа стало горячо, усидеть не удастся, я вскочил и, сорвав в раздражении с ноги и второй сапог, пошел мерить крупными шагами комнату.

Хоть головой бейся о стену, но пока ничего не идет в череп, кроме совсем уж дури. Нет, точно надо еще кофе...

Глава 4

Слуга поклонился с порога, в глазах я увидел выражение сочувствия успешного человека к уже свалившемуся с коня на полном скаку не то в грязь, не то на камни.

– Ваша светлость, вы так и не заснули?

– Слышно было, – спросил я, – как топал?

– По стене, – уточнил он, – и потолку.

– Это я головой бился, – объяснил я. – Кстати, помогает. Рекомендую. А стена уже и была поцарапанная.

Он вздохнул.

– Да-да, и во вмятинах. Завтрак сюда подать или в общем зале?

– Позавтракаю в дороге, – сообщил я. – Надо спешить. Передайте его светлости Уильяму Маршаллу, что смиренно прошу перед отъездом аудиенции у Его Величества.

Он поклонился.

– Сейчас же сообщу.

Ждать пришлось недолго, Барбаросса тут же отменил какие-то важные встречи, словно чувствует вину, хотя, напротив, должен гневаться, что я не уберег вверенную мне Армландию.

Сэр Уильям пришел тоже, могучий стареющий лев и лучший боец на турнирах в самом недалеком прошлом, а теперь в руках вместо копья постоянно кипа бумаг.

Я сказал с ходу:

– Да, ошибки я допустил крупные, но что нас не убивает, то делает сильнее, не так ли?

Барбаросса поморщился.

– Уильям, смотри и дивись. Когда сэр Ричард критикует себя за допущенные ошибки, я вижу, как пыжится от хвастовства, дескать, смотрите, какой он непредвзятый...

– Это сэр Ричард, – вздохнул Уильям, – другим его и представить не могу. Что изменилось, сэр Ричард? У вас такой задиристый вид.

– Я придумал, – сказал я, – что можем пообещать Фальстронгу.

Оба явно заинтересовались, но Барбаросса смолчал, а сэр Уильям вежливо поинтересовался:

– Что?

– Часть земель королевства Турнедо, – ответил я.

Сэр Уильям оглянулся на Барбароссу, тот поморщился и с тяжелым вздохом отвернулся.

– Полагаете, – спросил сэр Уильям с сарказмом, – король Гиллеберд на это пойдет?

– А что ему останется? – спросил я. – Нужно только не останавливаться на полпути. Давайте все-таки будем решительными! Если королевские войска Фоссано начнут готовиться переходить болота, Гиллеберд стянет все силы, как мы уже вчера говорили, чтобы не позволить им выйти на берег и развернуться в боевой строй. Но в это время войска короля Фальстронга ударят в незащищенный тыл.

Сэр Уильям спросил в недоумении:

– В тыл армии Гиллеберда? Фальстронгу нужно сперва пройти через все Турнедо!

– Я имею в виду, – пояснил я, – ударить по королевству с северной стороны, где расположен Варт Генц. Фальстронгу нужно всего лишь не останавливаться, пока не подступит к столице! И тогда королевство Гиллеберда получит такой сокрушительный удар, что Гиллеберд должен будет обязательно оставить армию в Армландии и мчаться спасать положение!

– Ну-ну, – поощрил Барбаросса.

– Шателлен ударит с фланга, – повел я дальше мысль. – Обязательно!

Сэр Уильям с хмурым видом повернулся в нашу сторону.

– Шателлен?

– Он выступит, – пообещал я. – А за это получит как минимум избавление от нависшей и над ним угрозы. Участие в такой справедливой и освободительной войне сделает его нашим соучастником. Если пойдем этим путем, то навсегда избавимся от хитрого и властолюбивого правителя, который постоянно думает о расширении своей территории за счет соседей. С ним рядом никто не может жить спокойно и мирно трудиться! Нам нужно только не оглядываться на то, что о нас скажут! Мы должны не просто сокрушить королевство Турнедо, но и вообще заставить его исчезнуть. Сделать слово «Турнедо»... географическим понятием. Мы это можем! Объединенные армии королевств Фоссано, Варт Генц и Шателлен сметут кого угодно! Да еще я соберу оставшихся рыцарей Армландии... Не все же отправились воевать в далекий Сен-Мари, большинство все-таки – домоседы. А свои земли защитить захотят поневоле... Ваше Величество, понимаете ли вы, у вас уникальный шанс вернуть Армландию под свою милостивую длань!

Барбаросса скептически хмыкнул, а сэра Уильяма буркнул:

– Отвоевав у Гиллеберда? Ну да, так он и отдаст. У него все просчитано, как вы сами согласились.

– Просчитано, – подтвердил я. – Поодиночке он побьет любого из нас. Но не троих, если выступим согласованно. А мы это сделаем!

Глаза Барбароссы медленно угасали, он посмотрел на сэра Уильяма, тот невесело улыбнулся и кивнул.

Я спросил встревоженно:

– Ваше Величество... что-то случилось?

Барбаросса вяло махнул рукой.

– Просто вернулся с облаков на землю. Король Фальстронг и не подумает нападать на Турнедо. Репутация Гиллеберда заставляет всех не просто побаиваться, а кланяться издали!

Я поднялся, учтиво поклонился.

– Ваше Величество, я или договорюсь с королем Фальстронгом, или погибну в попытках. Я не могу вернуться побежденным! Только короли, потерпев поражение, могут возвращаться на троны, но не эрцгерцоги.

Барбаросса кивнул, вид у него был невеселый, а взгляд почему-то старательно уводил в сторону.

Я поднялся.

– Ваше Величество... Сэр Уильям...

За дверью ко мне бросился слуга, который отводил меня на ночь в спальню.

– Ваша светлость, что для вас сделать?

– Седлать коня, – сказал я. – Отбываю.

– Ваша милость...

Он поклонился и умчался. Я перевел дыхание и потащился следом медленно, чувствуя себя совсем раздавленным.

Придворные, сгорающие от любопытства, кланялись и старались протиснуться поближе, гость я здесь редкий, но всякий раз что-то случается, надо держать нос по ветру.

Пес прыгал, рассказывал, как нажрался вперед на неделю, да что там на неделю, на месяц, хорошо быть королем, но еще лучше – Бобиком...

Конюхи вывели Зайчика. Арбогастр на этот раз идет мирно, не поднимает их на узде, тоже чувствует, что не до шуток их хозяину.

Я опустил ладони на седло и готовился запрыгнуть, как вдруг сверху из окна прокричали:

– Сэр Ричард!.. Сэр Ричард!.. Оостановитесь!

Я вскинул голову, там высунулся до пояса и машет обеими руками слуга, приставленный вчера ко мне.

– Что случилось? – крикнул я.

– Его Величество, – закричал он, – изволил послать за вами!

– Мы уже попрощались, – ответил я громко, но безумная надежда, что вдруг что-то изменится в лучшую сторону, заставила добавить: – Иду, уже иду!

Конюхи снова перехватили повод, я повернулся и пошел обратно. Двое придворных встретили у входа и, часто кланяясь, сообщили, что им поручено проводить меня в рабочие покои Его Величества короля Фердинанда Барбароссы, как будто я не знаю, как его зовут.

Я пошел быстрее, эрцгерцог выше не только грамматики, но и солидности, за мной только шелестели одежды да звенели украшения из драгоценностей.

Часовые в коридоре распахнули передо мной двери, Барбаросса в кабинете за столом, будто и не король, сэр Уильям спиной к книжным полкам смотрит то на короля, то на меня.

– Ваше Величество, – произнес я вопросительно.

Барбаросса посмотрел на меня хмуро.

– Ну, уже догадался?

– О чем?

– Что именно хочу сказать.

– Вы забыли обматерить меня на дорожку, – напомнил я вежливо. – А это не в вашем характере.

Он сказал ворчливо:

– Значит, догадался.

Сэр Уильям подтвердил:

– Посмотрите на его рожу, Ваше Величество! Он даже знает, в каких словах ему сообщите.

– А это уж нет, – возразил Барбаросса, – это никто не сумеет... В общем, сэр Ричард, вы ни разу не напомнили мне, что я двадцать лет правил королевством и... однажды по беспечности потерял бдительность. Меня почти вышибли с трона, как паршивого кота. Только ваше вмешательство, сэр Ричард, спасло мою шкуру и то, что дороже шкуры – честь!..

– Ах, Ваше Величество...

Он остановил меня нетерпеливым жестом.

– Молчи, не хрюкай!.. Ты все годы уклонялся от выражения моей благодарности, и я всегда чувствовал себя в долгу... что весьма раздражало.

Он покосился на Маршалла, тот слегка наклонил голову.

– Да, Ваше Величество, я заметил. Да и не только я.

Барбаросса повернул голову в мою сторону.

– Видишь, народ мои решения одобряет.

– Я тоже ваш народ, – сказал я дипломатично, – весьма верноподданный, и тоже одобряю, но... какие решения?

– У меня появился шанс, – сказал Барбаросса очень серьезно, – вернуть тебе долг и тем самым очистить свою весьма заскорузлую совесть.

Маршалл добавил:

– Я сейчас же пошлю гонцов во все наши земли с наказом собирать войско.

– Большое войско, – уточнил Барбаросса. – Впервые за двадцать лет! Подумать только, целое поколение выросло без войны, стыд какой.

– Да, – согласился я, – как они в глаза своим сыновьям смотреть будут, Ваше Величество?... Как могут спать спокойно? Просто не понимаю!

Барбаросса прислушался к моему тону, глаза стали строже.

– Да? А я не понимаю, как это ты понимаешь!.. В общем, я подготовлю армию. Но выступать и не подумаю в одиночку! Это самоубийство. Гиллеберд всю жизнь готовился к войнам с соседями, у него каждый шаг расчерчен на все случаи жизни. Зато обещаю тебе, если сумеешь

уговорить выступить короля Фальстронга, я тотчас же двину свою армию на освобождение Армландии!

Сердце мое застучало чаще, я сказал с чувством без всякого притворства:

– Ваше Величество, никогда я от вас не слышал более важных для меня слов! Я сейчас же ринусь в Варт Генц!

Он с довольным видом наклонил голову.

– Да-да, у вас хорошая, как я помню, лошадка. Быстрая.

– И собачка, – подсказал сэр Уильям, – ей не уступит.

– Я сам быстрый, – сказал я. – Ваше Величество... Сэр Уильям...

Я направился к двери, но Маршалл окликнул:

– Сэр Ричард, погодите минутку...

Я остановился.

– Весь внимание, сэр Уильям!

Он поднялся, взял меня за локоть и повел в дальний конец огромной комнаты.

– А теперь, – сказал он доверительно, – когда самое главное решено Его Величеством, мы с вами поговорим о пустяках... Прежде всего – долг чести, мы же рыцари, а честь и верность прежде всего, но с этим, благодаря решению Его Величества, уже ясно... Теперь нам с вами нужно разобраться с такой ерундишкой, как в случае возможной победы поступить с королем Гиллебердом...

Я спросил настороженно:

– А что, у вас есть какие-то дикие предложения? Я полагаю, Гиллеберд просто красиво погибнет в бою. Во избежание.

Он замялся.

– Ну, если так... тогда еще один весьма щекотливый вопрос... как поступить с его королевством?

– Отнять и поделить, – ответил я твердо, – по справедливости! Грабь награбленное! А оно все награбленное, если не наше. Потому само королевство Турнедо следует упразднить, а земли разделить между победителями.

Он посмотрел на меня несколько смущенно, вздохнул.

– Как хорошо быть молодым... Никаких компромиссов, никаких угрызений, все просто и понятно... Хотя да, Его Величество по моему настоятельному совету примет именно такой вариант окончательного решения вопроса по Турнедо.

– Я рад...

– ...только нужно сразу договориться, – закончил он, – как разделить этот объемный пирог.

– Сэр Уильям, – возразил я, – но мы еще не знаем, чего захочет король Фальстронг!

– Сделаем несколько вариантов, – предложил он. – И по каждому определим, где и сколько можем уступить в торге. Мы не купцы какие-то, благородный человек всегда готов уступить другому благородному человеку в ответ на его уступки!

Я посмотрел на него с уважением.

– Сэр Уильям, вам, как и Его Величеству, надо завоевать для себя королевство! Хотя бы крохотное.

Когда мы втроем наконец-то вышли из дворца, в моей сумке на самом дне прибавилась карта Турнедо, расчлененного на две большие части и одну крохотную. Моей доли не предусмотрено, я получу обратно Армландию, и за это должен счастливо вилять хвостом и смотреть с благодарностью всем троим королям в глаза.

О судьбе легитимного короля Гиллеберда мы предпочли деликатно умолчать, да и, собственно, что наши жизни рядом с глобальными планами?

Сэр Уильям провожал меня до выхода, но наружу выходить не пожелал, бережет от мелкого дождя свою львиную шевелюру, вздохнул и зябко повел плечами.

– Опять дождь... Может, переждете?

– Это надолго, – сказал я с тоской о вечно синем небе Сен-Мари. – Туч столько, что вот-вот небо обвалит.

Холодный дождь, несчастый, а из тех, которые называются обложными и могут длиться неделями, сыплется ровно мелкими, но частыми каплями. Грязно даже на вымощенном каменными плитами дворе, а за воротами дворца нам придется мчаться по жидкой грязи, где потоки мутной воды несут мусор прямо по улицам.

День выглядит темным и отвратительным, словно уже поздний вечер. Пес то и дело оглядывался на меня с вопросом в больших честных глазах, я качал головой, дескать, надо. Те, кто умел себе сказать это слово, а потом встать и пойти, стал человеком, а кто не сумел себя преодолеть, остался в райском саду простым милым или не совсем милым, но животным.

Пес первым взбежал на вершину холма, остановился и, повернув голову в нашу сторону, требовательно гавкнул. Арбогастр взлетел к нему буквально в то же мгновение, Бобик еще не успел закончить свой гав, а я сжался при виде жутковатой картины.

Долина впереди запружена войсками, но странно не количество, а та слаженность и дисциплина, что впечатляет даже тех, кто не придает ей значения.

Солдаты маршируют в ногу, красивые отряды двигаются как один человек из полусотни тел, в центре не меньше сотни ярких разноцветных шатров из дорогого шелка, а вокруг них бесчисленное множество обычных палаток для простых воинов.

Лагерь только начинают обустраивать, вот роят вокруг него глубокий ров, другие уже устанавливают высокий частокол: невиданное дело со времен римлян. Все предусматривающий Гиллеберд даже здесь не дает противнику ни единого шанса на внезапное ночное нападение, хотя мы же рыцари, ночью ни в коем случае, это нерыцарственно, вообще нечестно, как удар в спину, благородный человек такого отвратительного поступка себе позволить просто не может... и от других тоже не ждет.

Я нагнулся к уху арбогастра.

– Ну, лапочка... Вон до того поста, понял?

Пес тоже понял, метнулся вперед, как черная молния. Арбогастр гневно заржал, меня бросило назад, чуть не сломив спину, через несколько мгновений мы оказались перед опешившими солдатами.

Я уже держал в руке рог, а сейчас поднес к губам и мощно затрубил. Солдаты выставили копья со всех сторон. Я убрал рог и сказал дружелюбно:

– Я на переговоры к Его Величеству Гиллеберду.

Они переглянулись, а старший спросил резко:

– Кто такой?

– Ричард Длинные Руки, – ответил я милостиво. – Друг Его Величества. Он знает.

Они снова обменялись взглядами, старший сказал одному:

– Беги доложи.

Солдат умчался, но не к самому богато украшенному шатру, а остановился и доложил офицеру. Тот повернулся и долго всматривался в меня, арбогастра и особенно в Бобика, затем развернулся и побежал слишком не по-благородному суетливо.

Солдаты поглядывали то на меня, то на ужасающего Пса, он хоть и сидит рядом со мной неподвижный, как вырезанный из черного гранита, но чувствуется его совсем не собачья мощь. Арбогастр тоже, как сгусток черной ночи, однако кони, даже очень злые, людей не едят, а вот такой пес и льва задавит, как мышь...

Офицер пришел очень быстро с двумя лордами, те издали перешли на степенный шаг, учтиво поклонились.

– Мы проводим вас к Его Величеству, – сказал один.

– Оружие можете оставить на коне, – добавил второй вежливо, но твердо.

Это прозвучало, как приказ, а заодно и указание, что пора спешиться, по лагерю разъезжать не дадут.

– С удовольствием, – ответил я сердечно. – Как глубоко мирный человек, я терпеть не могу оружия. Ношу лишь потому, что так селявивно. Это как пугови... как застежки и пряжки на нужных, а также всех прочих местах.

Двое солдат тут же приняли повод, я соскочил на землю. Лорды сразу начали смотреть мрачно, я выше на полголовы, а они совсем не карлики, обидно такое терпеть от противника.

– Следуйте за нами, – сказал один с холодной учтивостью.

– Конечно, конечно!

– Его Величеству уже о вас доложено, – добавил второй.

Ближе к центру все чаще начали встречаться настоящие лорды, у которых свои войска и телохранители, от таких у любого государя головная боль, но, судя по всему, Гиллеберд сумел как-то их обуздать или хотя бы ограничить в правах и вольностях.

Шатер Гиллеберда на деревянном помосте, к нему ведут три ступеньки, у входа двое королевских стражей в парадной одежде, а также несколько слуг, с виду дюжих и расторопных, с цепкими взглядами, явно умеют не только подавать на стол, но и управляют с оружием не хуже самых умелых бойцов.

Мне велели ждать, один офицер отбросил полог шатра, мы видели только, как мелькнули золотые шпоры на сапогах. Я пытался услышать, о чем говорят, но лагерь заполнен негромким, но мощным гулом, где топот, звон железа, треск веток у костров, конское ржание, голоса солдат у огня...

Полог резко отлетел в сторону, офицер высунулся наполовину.

– Сэр Ричард!.. Его Величество изволит принять вас.

Я наклонил голову.

– Благодарю за столь любезное приглашение.

Он взглянул в недоумении, даже не понял причины сарказма, настолько в Турнедо уже не уважают здешнего гроссграфа, хотя не так уж давно я побывал там и даже захватил замок...

Впрочем, полог он почтительно придержал, пока я переступал порог. В шатре непривычно тепло и сухо, горят три светильника, хотя вряд ли это они так прогрели воздух, изгнав сырость и слякоть, в центре большой стол, вокруг него с дюжину кресел с дорогой резьбой на спинках и подлокотниках, под дальней стеной настоящий трон, однако сам Гиллеберд трудится за столом, перед ним чернильница, перья в бронзовом стакане, несколько листов бумаги, еще странного вида кубок, какие-то громоздкие амулеты...

Стены шатра завешаны плотными тяжелыми коврами, дополнительная защита от холода и сырости, на ткани крупно вытканы королевские гербы.

Офицер доложил громко:

– Гроссграф Армландии, Ваше Величество!

Глава 5

Гиллеберд поднял голову, брови приподнялись в веселом изумлении. Он показался мне похожим на лесного царя, таким я представлял его по сказке Гете: весь в благородном серебре, на голове золотая корона, длинные седые волосы красиво падают на металл доспехов, как и борода с усами, что закрывают грудь, где тускло блестит синеватая сталь панциря работы гномов.

Взгляд его все так же остер и жив, на лице выражение неприкрытого удовольствия.

– Сэр Ричард! – произнес он с сердечностью паука, к которому в паутину влетела молодая толстая муха. – Как же мне приятно вас видеть!

– Счастлив это слышать, – ответил я церемонно.

– Не стойте там, сэр Ричард, – произнес он еще сердечнее. – Садитесь, да вот сюда, поближе... Нам есть что вспомнить, о чем поговорить. Мы с вами общались хорошо и сердечно!

Я сел в указанное кресло, учтиво наклонил голову.

– Вы абсолютно правы, Ваше Величество. Я смотрю, вы помолодели, Ваше Величество! Война разогревает кровь, не так ли?

– Оживляет, – согласился он. – И дает возможность вспомнить молодость... нет, вернуться в нее, побывать в ней!

Мой взгляд то и дело устремлялся на тот странный кубок, что привлек внимание, едва я переступил порог, теперь вижу, что он из человеческого черепа, весь покрыт золотом, а в пустые глазницы вставлены крупные сверкающие сапфиры.

Гиллеберд перехватил мой взгляд, сказал со вздохом:

– У герцога Гуго были дивные синие глаза... Мне до сих пор его недостает. Когда я убил его, то распорядился сделать из черепа этот кубок и подобрать камни в цвет тех прекрасных глаз.

– Красиво, – согласился я. – Только слишком, на мой взгляд, вытаращены. Как будто постоянно удивляется.

– Он и выглядел так, – объяснил Гиллеберд. – Как широко распахнул глаза, когда увидел мой занесенный над ним меч... Он всегда был уверен, что сильнее. Это была моя первая крупная победа, с тех пор я всегда беру череп с собой, как талисман... хотя, как понимаете, это не талисман.

– Тогда все соответствует, – согласился я и поставил кубок на место. – Воспоминание о былых победах подталкивает одержать и новые... Ваше Величество, вы наверняка удивлены моим визитом, но я настроен гораздо миролюбивее, чем вы думаете.

В его очень внимательных глазах блеснули хитрые огоньки.

– Почему же? – ответил он понимающим голосом. – Я так и предполагал. И даже на это рассчитываю. У вас, как я слышал, война в Гандерсгейме еще не закончилась?

– Увы, Ваше Величество, – ответил я сокрушенно, – варвары сопротивляются упорно.

– Я это предполагал, – самодовольно произнес он. – И что вы предлагаете сейчас мне? Я не поверю, что прибыли просто поговорить о наших прошлых встречах.

– Вы правы, Ваше Величество.

– Так с чем же?

– У меня несколько необычное предложение, – сказал я.

Он кивнул.

– Я слушаю очень внимательно.

– Предлагаю разделить Армландию, – сказал я. – Вы догадываетесь, почему меня посетила такая вроде бы странная идея. Вовсе не от слабости или трусости, как могут предполагать очень недалекие люди...

Я замялся, подбирая слова, он произнес спокойно:

– Потому что у вас на столе гораздо более лакомый пирог.

Я сказал с облегчением:

– Ваше Величество как в воду смотрит!

– Я король, – ответил он с некоторым самодовольством. – Я должен видеть дальше других. Я обязан!

– Спасибо за понимание, – сказал я, – мне было неловко произносить это вслух, все-таки я верховный лорд Армландии, гроссграф, на меня надеются и на меня рассчитывают, а я как бы предал их, покинув страну и всецело посвятив себя королевству Сен-Мари.

Он кивнул и произнес с усмешкой:

– Как бы.

– Да, – сказал я убито, – как бы. На самом деле, но это между нами, правителями, это вовсе не как бы. Я в самом деле покинул их, соблазнившись более богатым и могущественным королевством, что полностью в моих руках и под моей властью.

Он взглянул остро, ибо если я имею в виду, что полностью отгорожен от северных королевств Великим Хребтом, а Тоннель всецело в моих руках, то да, королевство полностью защищено от всех врагов, однако же существует угроза с моря... да и в Гандерстейме пожар только разгорается.

Я ждал, но он этот момент не затронул, о некоторых вещах говорить глупо, не дети, иные вещи понятны без слов.

– Значит, – произнес он мягко, без всякого нажима, но он чувствовался в самом подтексте, – вы готовы отказаться от части Армландии?

Я вздохнул.

– Готов.

– И подписать все необходимые бумаги?

– Верно, Ваше Величество.

Он уточнил:

– С полным отказом от определенных земель в мою пользу? С присоединением их к королевству Турнедо?

Я поднял голову и прямо взглянул ему в глаза.

– Ваше Величество, это все я готов сделать. И даже больше. Однако только...

Он спросил с подозрением:

– Что?

Я замялся, сказал, отводя взгляд:

– Если подпишу вот так полный отказ от прав на половину или хотя бы треть Армландии, то буду выглядеть... не очень. Даже, хотя все будут понимать, что я оказался бессилён и был... вынужден. Однако воин должен сражаться, таково мнение не очень умных людей, а их, как вы знаете, абсолютное большинство...

Он кивнул.

– Да, а с их мнением приходится считаться даже мне. И что у вас за идея?

Я сказал застенчиво:

– Я должен изобразить какую-то деятельность... У меня нет сил, но я буду пытаться найти каких-то союзников...

Он сразу же исполнился подозрительности.

– Союзников?

– Ну да, – ответил я. – Конечно, я не буду их искать слишком уж старательно, это не в моих интересах, как вы понимаете.

Он коротко хохотнул:

– Ну да, на вас снова тяжелой гирей повисла бы эта драчливая Армландия!

– Вот-вот, – сказал я. – Я счастлив, что вы со своей прозорливостью так прекрасно понимаете мое двойственное положение! Потому я все равно должен продемонстрировать своим вассалам, что пытаюсь как-то отвоевать эти суровые и плохо приспособленные для земледелия земли. И только тогда, когда у меня ничего не получится, а вы знаете, что будет именно так, я отступлюсь... В этом случае меня никто не осудит...

Он подумал, глядя на меня испытующе, наконец нехотя кивнул.

– Вообще-то, да, вы должны будете как-то малость побарахтаться. Лорды не поймут бездействия и осудят.

Я сказал быстро:

– А за это я вам отдам и остальную часть Армландии! Мне оставлять часть земель по эту сторону Хребта совсем незачем. Вы понимаете?

Он помолчал, не сводя с меня взгляда очень живых глаз, за которыми я просто вижу, как мощно работает великолепный мозг.

– Кажется, да, – ответил он ровным голосом, – но с удовольствием послушаю вас.

– Защищать их очень трудно, – сказал я честно.

– Ну да, – согласился он, – Сен-Мари от северных королевств защищает сам Великий Хребет. Знаете, сэр Ричард, из личной симпатии к вам я, вообще-то, готов вам даже подыграть. Я люблю запутанные дипломатические игры. Именно в них раскрывается искусство правителя, а не в грубых войнах...

– Спасибо, Ваше Величество!

Он кивнул.

– Войны – всего лишь завершение. Последний камень в возводимую стену. На самом деле войны выигрываются задолго до того, как армия получает приказ переходить границу! Но вам это, видимо, понять пока трудно.

– Увы, – ответил я грустно, – сейчас вот, кажется, улавливаю суть...

Он ободряюще засмеялся.

– Вы станете там в Сен-Мари могучим королем, сэр Ричард! У вас есть все задатки. Вы очень молоды, но уже умеете рассуждать. И не очень горюйте, что проиграли такому опытному стратегу, как я. Я учился этому искусству десятки лет.

– Спасибо за понимание, Ваше Величество!

Он засмеялся.

– Я вам еще и подыграю, не забыли?

– За это особое спасибо!

– Что вы намерены делать, – поинтересовался он деловито, – ну... для имитации сопротивления?

Я ответил, не задумываясь:

– Поеду к королю Барбароссе просить помощи!

Он кивнул.

– Так-так, это ожидаемо. Но вы понимаете, его возможности ограничены...

– Конечно, – ответил я невесело, – но я все равно это должен сделать! Лорды именно этого от меня ждут.

– Иначе вас не поймут, – согласился он. – Вы должны изобразить не просто сопротивление, а яростное сопротивление! Возможно, вам нужно обратиться еще и к Найтингейлу. Да, он не воин, но вам будет в плюс, если демонстративно побываете и у него, попросите помощи... Все делайте так, чтобы это было видно всем придворным.

Его лицо стало деловым, в глазах проступил даже азарт, как у игрока, что прокручивает ходы слабейшего противника и даже подсказывает, как проиграть более достойно, а не получить детский мат в три хода.

– Спасибо, Ваше Величество!

Он вдруг улыбнулся.

– Знаете, сэр Ричард, когда вы так безрассудно въехали прямо в середину моего войска, у меня сразу же возникла вполне понятная мысль, как вы догадываетесь...

Его глаза смеялись, я сказал осторожно:

– Лишить меня жизни?

Он кивнул.

– Да.

– И что удержало?

– Ее простота, – ответил он. – Примитивность идеи. Хотя да, за такое безрассудство нужно было бы сразу, это самое, лишить вас головы. Но, во-первых, на этом настаивали мои военачальники, прямо требовали, представляете?.. Особенно один, вы его хорошо помните...

Я спросил осторожно:

– Кто?

Он ухмыльнулся, посмотрел хитро.

– Хоффманн, – произнес он с неким торжеством, – некогда владетельный лорд Армландии! Он всегда меня поддерживал, а когда вы захватили его замок... должен признаться, меня впечатлила та легкость, с какой вы все проделали... он бежал ко мне и стал у меня одним из прекрасных военачальников. Теперь я вернул ему его владения, земли, деревни...

Я кивнул.

– Не сомневаюсь, Хоффманн особенно добивается моей смерти...

– Вот-вот, – сказал он, – но когда такие простые и прямолинейные люди на чем-то настаивают, то пронизательный государь должен хорошо подумать, прежде чем их послушать. Но безрассудство не в вашем характере. Да и когда вы в моем лагере и не уйдете без моей воли, то могу без торопливости понять, в самом ли деле сделали огромную ошибку, положившись на рыцарственность таких монархов, как я? Так вот, сэр Ричард...

– Да-да, слушаю со всем вниманием!

– Вы очень не глупы, – произнес он довольно. – Я это увидел и убедился. У вас есть рассудочность и ясное понимание ситуации. Вы очень разумны, сэр Ричард. Не по годам. Я понял, что, оставаясь королем Сен-Мари, вы можете быть прекрасным деловым партнером, а если вас... лишит жизни, как вы говорите по-церковному изысканно, то с вашими преемниками сперва придется долго ссориться, что-то выяснять, утрясать обиды, да и нет гарантии, что с себялюбивыми дураками смогу договориться.

Я смотрел внимательно, а он закончил благодушно:

– Потому мы с вами заключим очень выгодные для обеих сторон торговые договоры. Мы оба понимаем, что Тоннелем сможем пользоваться только с согласия обеих сторон, а чтоб заблокировать его – достаточно желания одной стороны. И потому мы обречены на взаимное сотрудничество.

Я сказал смиренно:

– Знаете, я сам об этом подумывал. Мы обречены на сотрудничество. Любые ссоры повредят обеим сторонам. Ваше Величество, не буду больше злоупотреблять вашим вниманием...

Он кивнул.

– Действуйте, сэр Ричард.

Я поднялся, поклонился со всей учтивостью и так, чтобы было видно, насколько я благодарен и доволен нашим уговором.

– Ваше Величество...

За пологом только двое стражей, бесстрастные и немые, как каменные статуи, а офицер ждет на расстоянии, чтобы не услышать, о чем был разговор, Гиллеберд не доверяет даже доверенным.

– Мой конь? – спросил я.

Офицер ответил почтительно:

– Он съел горящие угли из походной кузницы, а ваша собачка стащила у солдат самого крупного кабана вместе с вертелом.

Я подал ему золотую монету.

– Отдайте им, пусть утешатся и добудут другого. А собачка вертел не съела? А то если он железный, у нее живот проболит целый день.

Он покачал головой.

– Нет, вертел у нее отнял и сожрал ваш конь.

Я отмахнулся.

– Ну, ему можно.

Солдаты подвели мне арбогастра, он лениво шурится, морда выглядит седой от лохмотьев пепла, довольный.

Я свистнул Псу и вскочил в седло.

– Еще увидимся, – пообещал я.

Мимо проносятся почти опустевшие сады и гумна, словно чуют надвигающуюся беду. Ветер рвет и треплет не только нас троих, но и деревья в лесу и вдоль дорог, то и дело проскакиваем через серое унылое пространство дождя, мелкого и тоскливого. Между низкими тучами изредка пробивается трепещущий и какой-то неуверенный свет северного солнца, вот как далеко меня занесло, хотя на самом деле всего лишь по другую сторону Великого Хребта, о который с той стороны разбивается воздушный Гольфстрим...

Холодно сияет в просветах между тучами металлически серое небо, по земле бегут пугающе черные тени, сами тучи скользят над миром низко и гнетуще, а впереди снова сеется дождь... иногда удается проскочить, но чаще приходится ломиться сквозь ливень с ветром и темнотой.

Замок выступил вдали из тумана, призрачный и загадочный, но когда начал стремительно приближаться, то быстро обрел объем и цвет: одно массивное здание, слишком огромное, чтобы обойтись без внутреннего двора, с четырьмя высокими остроконечными башнями по углам, на высоком холме, что даже не холм, а скала...

Подъехав ближе, я рассмотрел, что к единственным воротам дорога идет вдоль стен, откуда неприятеля не только перестреляют из арбалетов, но и просто камнями закидают или залиют кипящей смолой.

– Здесь не Сен-Мари, – сказал я вслух и с некоторой гордостью. – Здесь каждый дом – крепость...

Пес пошел длинными скачками, а Зайчик, дождавшись разрешения идти следом, во мгновение ока догнал, и уже вместе они остановились перед воротами.

Не давая времени, пока сонные часовые заметят и окликнут, я вытащил рог и звонко протрубил.

Бобик настобурчил уши и мощно гавкнул. Арбогастр посмотрел на обоих и заржал так, что со стен посыпались мелкие камешки, а на башнях затрепетали флаги.

По ту сторону ворот слышались испуганные голоса, заскрипела калитка сбоку в башенке, выглянула голова в круглом шлеме.

– Кто тут... батюшки, это же сам гроссграф!.. Его светлость!

– Он самый, – сказал я ворчливо. – Узнал?

Солдат вскрикнул воспламененно:

– А как же, я с вами был в трех походах! Даже в Турнедо ходил и замок Орлиный захватывал!

– Скоро все Турнедо захватим, – пообещал я. – Надоело такое противное соседство.

Его напарники уже с натугой отворяли створки ворот, арбогастр через узкую калитку не протиснется, на меня смотрели с любопытством и почтением, почти все совсем молодые ребята, а когда взгляды падали на Бобика, то бледнели и начинали прятаться друг за друга.

Мы прошли через ворота упругим шагом победителей, копыта звонко стучат по каменным плитам, будто стальные подковы, хотя Зайчик в них не нуждается.

Пока я неспешно слезал с коня, конюхи опасливо спрашивали, предпочитает ли лошадка кусаться или только лягается, Пес обежал двор на предмет «чего-нить», а в замке нарастала суматоха, наконец я услышал, как за спиной шумно распахнулись двери, а по ступенькам протопали частые шаги.

Ангелхейм был все так же одет щегольски и с нарочитой небрежностью, бледен, как вампир, хотя пышные кудри прекрасного льняного цвета дышат жизнью, широкая перевязь блестит не только золотыми нитями, но и сложными узорами, сапоги с золотыми шпорами выше колен, пышные рукава, богато украшенный камзол, расшитые бисером брюки.

Спускался он с широчайшей улыбкой на лице, глаза горят восторгом, но за три шага до меня вдруг преклонил колено.

– Ваша светлость...

– Дорогой друг, – ответил я с чувством.

Он поднялся, растопырил руки, мы обнялись, он сказал с широчайшей улыбкой:

– Наконец-то смогу принять вас, дорогой мой сюзерен, в моем маленьком, но страсть каком уютном замке!

– Очень уютном, – подтвердил я.

– Кто бы мог подумать, – сказал он с превеликим чувством, – о таком тогда, когда мы искали мелкую компромиссную фигуру для гроссграфства над Армландией.

Мы пошли в замок, я сказал легко:

– Я за это время успел стать эрцгерцогом, если вы не слыхали еще, и даже фюрстом. Но это такие мелочи в сравнении с тем, что я гроссграф такой великой державы, как Армландия с ее замечательным мужественным народом, исполненным... да, исполненным! Всяческими.

Он взглянул коротко, но смолчал. Мы прошли два зала, богато украшенных свисающими сверху красными с желтым полотнищами, поднялись наверх, слуги таращатся с суеверным ужасом и опускаются на колени, склоняя головы.

На господском этаже я сказал доверительно:

– Дорогой друг, я вижу, как вы разрываетесь от сочувствия ко мне, бедному и страдающему от поражения... конечно, ужасающего и просто разгромного. Смею уверить, ничего подобного. Я прибыл сюда лично, чтобы возглавить совместный поход королей на Турнедо, чтобы раз и навсегда решить этот неприятный и постоянно возникающий вопрос.

Он охнул.

– Решить?

– Точно-точно.

– Но... как?

Мы подошли к богато украшенной двери, он поспешно распахнул ее передо мною, я важно вступил в пределы этого роскошного небольшого зала, огляделся.

– Ваши покои, – произнес за спиной Ангелхейм торжественно и даже несколько высокопарно. – Отныне навсегда будут именоваться вашими. И детям своим буду рассказывать, что здесь останавливался сам Ричард Длинные Руки.

– Спасибо, – ответил я. – Очень тронут. А насчет как... Скоро к вашему замку начнут прибывать воинские отряды из Сен-Мари. Принимать у себя не нужно, встанут лагерем поблизости. Ваш замок я дал как ориентир. Много не будет, предпочитаю воевать не числом, а умением. В общем, скоро словом «Турнедо» будем называть расположенные от нас к северу земли, а не королевство. Королевству с таким названием как бы и незачем. На мой взгляд. По зрелому размышлению я решил его упразднить ввиду ненужности в этой части суши подобных образований.

Он смотрел на меня с суеверным восторгом. Вроде бы и немного воды утекло с той поры, как мы в первый день знакомства скрестили мечи в поединке, но Ангелхейм все так же в свое удовольствие живет и радуется, коллекционирует вина, украшения, женщин, а мы вот, Ричард, пошли другим путем...

И довольно далеко прошли, как теперь вижу, глядя на Ангелхейма.

Глава 6

В честь посещения замка сюзереном Ангелхейм закатил грандиозный пир, созвал своих ближайших вассалов. На стол подавали специально испеченные для такого случая караваи размером с тележные колеса, целиком запеченных кабанов, оленей, лебедей с распростертыми крыльями, а вино, естественно, лилось рекой.

Когда все захмелели, я незаметно наполнял кубки сперва вином, потом ромом, гости шалели, а обалдевший Ангелхейм допытывался у слуг, из какой именно бочки в подвале нацедили такого немыслимо дивно крепкого вина.

Я сказал ему тихонько:

– Вы продолжайте, дорогой друг, а я незаметно исчезну. Мне нужно сколотить консорциум...

– Что это?

– Ну, это такое... общество с ограниченной ответственностью по уничтожению... нет, это грубо, по упразднению административной единицы под названием Турнедо. Полуконтрольные пакеты у королей Фоссано, Варт Генца и Шателлена...

Он спросил встревоженно:

– Сэр Ричард, а у вас?

Я развел руками.

– У меня ничего. Но разве мы о доходе думаем, когда творим благое дело? Мы только о чести, вере, справедливости, всеобщем благе и процветании!

Он кивал, вид немножко ошалелый, потом вдруг сказал:

– Ну да, это когда могущественные и богатые лорды, чтобы не уступать друг другу, решили поставить гроссграфом Армландии вас...

– Все-то вы понимаете, – сказал я, – может быть, хватит быть гулякой праздным? Не пора ли послужить Отечеству?

Он спросил с подозрением:

– А что это?.. Ах да, это вам, сэр Ричард!.. Вообще-то, идея интересная, но я настолько ленивый, что буду драться, если война сама ко мне придет на дом, а вот так выйти и топтать в какое-то Турнедо...

– Она уже пришла, – ответил я. – Войска Гиллеберда всего в сотне миль западнее. И, думаю, Гиллеберд продвинется еще миль на двести к югу до того, как войска Барбароссы переберутся через болота.

Он нахмурился.

– Барбароссы?

– Он придет освобождать Армландию от Гиллеберда, – успокоил я, – а не присоединять к Фоссано. Вообще-то, я прорабатываю вариант...

Я умолк, не зная, говорить ли еще, если мысль достаточно сырая, но Ангелхейм спросил настойчиво:

– Какой?

– Чтобы Барбаросса признал Армландию, – произнес я наконец, – самостоятельной, единой и неделимой! Может быть, ее впоследствии стоит даже объявить королевством.

Он вскрикнул пораженно:

– Сэр Ричард! Вы будете королем? И мы начнем обращаться к вам как к Вашему Величеству?

– До этого еще далеко, – ответил я скромно. – Не меньше недели, а то и двух. Да и не знаю, стоит ли... Я, вообще-то, скромный до невозможности, сам удивляюсь такой застенчи-

вости! Так что пока только все мысли, думы и чаяния – об Отечестве!.. А уж потом, когда это Отечество окажется в моих хищных нежных лапах... гм...

Он поднялся вслед за мной, сделав знак гостям, чтобы продолжали пир, вышел во двор. Воздух сыро пахнет болотом, хотя я не видел вблизи водоемов.

Я знаком велел слуге сбегать в конюшню, но раньше чем вывели арбогастра, примчался Бобик, все еще сытый, но всегда готовый изволить покушать, помахал Ангелхейму хвостом, мол, узнал, мы с тобой вместе в подвал ходили, помнишь?

Тот поинтересовался бледным голосом:

– Этот калидонский вепрь вас все еще слушается?

– Я ему отец родной, – заверил я. – В общем, маркиз, собирайте желающих добыть честь и славу в боях за Отечество!.. Не все же ушли в Сен-Мари. Многие из тех, кто остался, сейчас наверняка жалеют... У них есть шанс прославиться в сражениях, где упоение в бою у бездны мрачной на краю... Можете вскользь упомянуть, но только вскользь, чтоб не ранить нежные рыцарские души грубыми меркантильными мыслями и чуйствами!.. что по окончании кампании будет обычная раздача пряников в виде пожалования земель и опустевших турнедских замков...

Я вскочил в седло, арбогастр довольно фыркнул и повернулся в сторону ворот, а Пес ринулся к ним сразу.

Ангелхейм спросил заинтересованно:

– Сэр Ричард, а можно с этого момента... насчет пряников, подробнее?

Я отмахнулся.

– Да это такая рутина, что одухотворенным личностям вроде нас и говорить о ней как-то неловко. Главное – слава на поле боя, крики мертвецов, а еще уважение со стороны противника, иначе как без этого жить, спрашивается?

В Варт Генц из Армландии можно попасть либо через Турнедо, либо через Шателлен, оба граничат, хотя Шателлен соприкасается самым краешком, а Турнедо – довольно широкой полосой.

С моими Зайчиком и Бобиком можно и через Турнедо, там если и заметят, все равно остановить не успеют, но что лучше хранить в тайне, лучше в ней и хранить.

Мы мчались практически по линии между Турнедо и Шателленом, места пустынные, даже опасные, один Орочий Лес чего стоит, ни единого домика, ни клочка распаханной земли, ни дымка от охотничьего костра.

Есть более пустынные, насколько помню, за королевством Варт Генц, земли Гиксии. Я проезжал там однажды в своем квесте к Югу, помню эти разоренные места, где прошла беспощадная армия Тьмы, так называют войска императора Карла за то, что он сумел привлечь на свою сторону троллей и даже огров.

Между Вартом Генцем и Гиксией тоже нет четкой границы, как вообще между многими королевствами. Все потому, что все мы селимся в благополучных землях, развиваем их, укрепляем и украшаем, и никто не желает брать себе опасные территории, где живут большими племенами тролли, огры, кентавры или другие опасные твари. Тем более те, за которыми закрепились слава зачарованных.

Похожая ситуация на стыке королевства Турнедо и Шателлен, тут Орочий Лес, а углубляться в него и терять людей в бесполезной войне с чудовищными троллями не желает ни Гиллеберд, ни тем более мирный Найтингейл...

Между Вартом Генцем и Гиксией, как я запомнил из прошлой поездки через эти земли, кроме всякой нечисти существуют и вполне благополучные деревни. Правда, огородившиеся частоколом, амулетами и заговорами, они живут как в осаде, зато никаких властей, никаких

налогов, поборов, повинностей, а от нечисти и нежити отбиться удастся довольно легко, если не зевать...

В прошлый раз мы проехали земли графа фон Кастелинга и остановились, выбирая дорогу мимо урочища Плачущего Младенца, там кое-кто ухитрился проскочить и остаться живым, но раз уж такие смельчаки находились, мы тогда рискнули...

Бобик радостно гавкнул и ринулся вперед огромными прыжками, я заорал вслед «Рядом!», он обиженно скулынул и побежал слева от арбогастра, поглядывая на него с вызовом: дескать, не будь этого приказа, давно бы обогнал тебя, ленивое и неповоротливое копытное...

Впереди на широкой и хорошо пробитой в земле дороге, хотя и довольно заброшенной, показалась кучка людей. Пес подпрыгивает, хоть и рядом, всячески обращает на себя внимание, это же он первым заметил, ну хоть погладьте же, черствые...

Группа приблизилась, там четверо мужчин с удовольствием лупят пятого. Тот уже на земле, его пинают ногами в растоптанных сапогах, еще двое заломили руки за спину женщине средних лет, а третий неспешно разрывает ей на груди платье. Все трое довольно похохатывают, две большие корзины лежат на дороге, вывалив нехитрое добро простолюдина.

Женщина кричит и плачет, дура, это только распаляет мерзавцев. Просто изнасиловать – не так интересно, а вот поглумиться – это как бы сожрать хорошо прожаренное мясо с соусом и подливкой. Тем более, поизгаляться на виду беспомощного избитого мужа или просто спутника, который должен защищать женщину, но не смог...

– Эй, – рывкнул я люто, – что здесь, ага?

На меня оглянулись с удивлением, я выгляжу как здоровенный крепкий парень в простой одежде, у меня хороший конь и крупный пес, лук за плечами и меч у седла, но не вельможа с кучей телохранителей и даже не закованный в железо рыцарь, всегда готовый к драке и даже выискивающий, с кем бы.

Тот, что разорвал женщине платье, ухватил в обе ладони ее спелые груди, а мне бросил через плечо:

– Убирайся, дурак!

Я не поверил своим ушам:

– Ты это сказал мне?

– Тебе, дурак, – повторил он благодушно, – пока у нас... ха-ха... совсем другое настроение...

Говорил медленно, тягуче и не успел закончить, как я выдернул меч, быстро секанул справа налево и, разворачивая коня, крикнул бешено:

– На колени!

Двое, что заламывали женщине руки, выхватили короткие мечи. На колени рухнула только женщина, перед нею тяжело опустилось обезглавленное тело, из обрубка шеи со свистом выходит воздух и сильными толчками бьет кровь, а голова откатилась далеко на обочину.

Я сразил еще одного, парировал удар второго и рассек ему голову до нижней челюсти.

Те четверо, что пинают поверженного, схватились за оружие, кто за меч, кто за короткое копье, у одного вообще плотницкий топор, но увидели мое перекошенное дикой яростью лицо, разом повернулись и бросились бежать. Двое помчались рядом локоть в локоть, а двое резко пошли в стороны.

Я бросил меч на землю, не совать же в ножны с кровью на лезвии, сорвал с плеча лук и торопливо наложил стрелу. Тот хитрый прием, когда все в стороны, спасает только от тех, кто гонится с мечом...

Стрела исчезла бесшумно, только тетива больно щелкнула по пальцу. Самый быстроногий вскинул руки и на полном бегу рухнул. Вторая стрела сразила соседа, этот еще и закувыркался, третьей я догнал самого кровожадного, он старался бить лежащего ногами в лицо, а четвертого чуть было не пожалел: тяжелый, грузный, бежит с хрипами, в руках топор плотника...

еще не успел стать разбойником по-настоящему, вкусить запретных сладостей убивать и грабить, насиловать и оставаться безнаказанным...

Стрела сорвалась с тетивы и, нагнав, ударила в основание шеи. Он рухнул, раскинув руки, и так застыл.

Женщина с плачем уже поднимает мужчину, тот весь в лохмотьях, кровь хлещет из перебитого носа и расквашенных губ, сам хрипит и с перекошенным лицом хватается обеими руками за грудь.

Я спрыгнул с коня, подобрал меч и старательно вытер запачканное лезвие об одежду убитых.

Женщина взглянула с ужасом на лице.

– Спасибо... ваша милость!

Но в ее глазах оставался страх, я могу оказаться зверем и похуже, чем эти оборванцы, что и разбойники-то липовые.

Я отмахнулся.

– Пустяки...

– Ваша милость, наши жизни в ваших руках!

Я подошел к мужчине, опустил ему на плечо руку и чуть подержал. Его искаженное болью лицо на глазах изменилось, он посмотрел на меня с испугом.

– Ваша милость...

– Отдохни чуть, – сказал я, – и можете ехать. Кости целы, а мясо заживет.

Пес наконец поднял зад от земли, подошел к ним и обнюхал. Они закрыли глаза в ужасе и даже приподнялись на цыпочках, будто старались оторваться от земли и взлететь повыше.

Я вскочил в седло.

– Бобик!.. Рядом!

Арбогастр сразу пошел карьером, ветер засвистел в ушах. Женщина и ее мужчина сейчас соберут вещички, обойдут убитых и снимут с них все ценное, начиная с сапог и башмаков, порадуются удаче, а я вот, дурак, сразу повеселел, будто чего-то в самом деле стою. Спас двух оборванцев от других оборванцев, это вроде бы перевешивает то, что про... в общем, продул с треском, будто после касторки, огромную страну.

От земли пошел редкий неопрятный туман, ветер иногда разгонял его, однако не рассеивал, а комья сбивались в кучу и катились, пока не застревали в кустах. Холодный и отвратительно сырой ветер все время дул навстречу, даже когда Зайчик шел шагом.

Мне показалось, что мгла начинает стучаться, как при солнечном затмении, но это всего лишь черные тучи укрыли небо в несколько слоев.

Впереди показались крыши домов, мы выметнулись на околицу, я придержал арбогастра, на земле в лужах крови несколько свирепо растерзанных трупов, над ними громко рыдают женщины. Дети режут и прячутся в их подола, мужчины угрюмо сжимают кулаки и грозно хмурятся.

За спиной слышались окрики, там нестройная толпа, вооруженная кольями, топорами, вилами и косами, волнуется и потрясает своим грозным оружием, перед ними размахивает руками приземистый и грузный мужик с черной разбойничьей бородой.

– Доколе будем только прятаться? – орал он. – Мы что, овцы?.. Доколе, я спрашиваю?

Кто-то возразил несмело:

– Дядя Джон, мы ж не прячемся уже...

– Отбиваемся! – крикнул мужик, которого называли Джоном. – А нас уже сколько?.. Вон старгатцы влились в нашу деревню, мы теперь село, а не деревня!.. Почему трусим?

Я пустил коня к ним ближе, мужик замолчал и посмотрел на меня с надеждой.

– Тролли? – спросил я.

Он выкрикнул в ярости:

– Зеленомордые опять напали ночью и выкрали скот!.. А еще и убили двоих, вот с краю мой свояк лежит с разорванным горлом!

– За свояка надо мстить, – согласился я.

– А как же, ваша милость!

– И что надумали?

Он прокричал:

– Надо наконец-то самим пойти на них!

– Ого, – сказал я. – А что, их там кучка?

Он фыркнул.

– Не кучка, но они не живут большими племенами. Их там не больше десятка самцов и три-четыре десятка самок с детенышами. Раньше жили охотой, а теперь повадились нас грабить!.. Это легче, мы же хуже овец!

Парень, что пугливо держится в сторонке от толпы, возразил:

– Но мы все равно богатеем, дядя Джон!

Он зыркнул на него злобно и с отвращением:

– Умолкни, трусливая тля!.. Мы, люди, должны смести их с лица Земли! Чтобы наши внуки жили спокойно!

Я поинтересовался:

– А где зеленые?

Он протянул руку в сторону леса.

– Вон там! Даже не прячутся. Сразу же за первыми деревьями. Солнца не очень любят, жабы проклятые!

– Высыхают быстро, – объяснил я.

– Вот-вот, а в дождь так и вообще ходят у нас между домами, скот забирают!.. А наши сидят за дверьми и дрожат, на все крючки и запоры закрываются.

Я сказал:

– Тогда действуйте! Я здесь проездом, но мне как раз в ту сторону. Помогу.

Мужик посмотрел на меня недоверчиво.

– Хорошо, если так. Спасибо на добром слове! И один такой... с мечом и луком – помощь... Эй, парни, двинулись! Не расходиться, держаться вместе, прикрывать друг друга!..

Он поехал сбоку, поглядывая, как они двинулись молча, злые и решительные, сжимая в руках крестьянское оружие.

Мужик оглянулся на парня.

– Ты остаешься?

Я сказал ему:

– Оставь этого политкорректника.

– Кого-кого? – переспросил он.

– В моем королевстве, – объяснил я, – трусость называют политкорректностью. Ну, чтоб не так стыдно. Тогда как бы и не трусость...

– А-а, – протянул он понимающе, – значит, остатки совести еще остались.

– Но их быстро затаптывают, – сказал я, – без совести жить спокойнее.

Парень, покраснев до корней волос, ухватил длинный кол с острым концом, обугленным в костре для крепости, побежал за отрядом.

Мужик ухмыльнулся.

– Иногда те остатки могут разгореться в костер.

– Иногда, – согласился я. – Жаль, что совсем иногда.

Глава 7

Толпа крестьян, бестолково гогоча, как глупые гуси, поперла в сторону леса. Я уже пожалел, что пообещал помочь, зачем мне эти дурацкие разборки – кто у кого корову спер, не эрцгерцожье дело, но отступать уже поздно, да и стена деревьев приближается с каждым шагом.

Всегда замечал, что лес выставляет на охрану границ самые могучие деревья, в глубине может быть любая мелочь, а тут на кордоне самые что ни есть исполины... а дальше вдали мелькнуло нечто живое, хоть и зеленое. Я всмотрелся и помахал рукой крестьянам, чтобы поторопились, тролли вот-вот заметят и успеют приготовить неласковую встречу.

Джон подбежал, весь красный и запыхавшийся.

– Их уже видно?

– Нас уже видно, – пояснил я.

– Плохо...

– Зови всех в атаку!

Он повернулся, но не стал орать, а вскинул над головой топор и бешено понесся к стене деревьев. Мужики, к моему удивлению и удовольствию, молча бросились следом, по их движениям я видел, что уже приходят в ярость и неистовство.

– Никого не щадить! – прокричал я. – Пленных не брать!

Они неслись с топотом и сопением, я вырвался вперед, меч во вскинутой руке, первых же выскочивших из шалашей троллей срубил безжалостно, а следом с дикими криками набежали крестьяне, началась некрасивая и безобразная схватка.

Я носился по кругу и в азарте рубил, крушил, повергал. Несколько троллей, то ли самцов, то ли самок, наконец-то бросились наутек. Я схватил лук, однако успел поразить только три зеленые спины: Джон, пользуясь преимуществом численности, расставил своих людей так, что те перехватывали бегущих и брали их на колья.

Голова раскалывалась от дикого визга, рева, хриплых криков, но затем все начало затихать, слышались только стоны раненых. Джон покрикивал, посылал проверить распростертых в лужах крови, кто-то может прикидыватьсядохлым.

Когда я подъехал, он повернул ко мне сияющее лицо.

– Ваша милость, спасибо! Мы даже не думали, что удастся справиться так быстро! Народ пуглив, привык бояться... Могли бы и раньше, зря терпели.

– Армия Тьмы ушла давно, – ободрил я. – А с мелочью справитесь! А это была не мелочь.

– Ваша милость, останетесь на пир в честь победы?

Я помахал рукой.

– Увы, дела... Вы там не больно увлекайтесь насиланием...

У него брови взлетели выше лба.

– Насиланием?... Ох, ваша милость шутит...

– Ага, – согласился я. – Конечно, шучу.

Они бросились добивать раненых троллей, не разбирая – самец или самка, которых можно бы сперва... а потом добить, и смотрели вслед, как мы втроем красиво и гордо уносимся между деревьями на залитый солнцем простор.

Через несколько минут я снова ощутил, что никакой я не герой, а вообще-то трус, что пытается как-то увильнуть от главной проблемы: как выбить врага из Армландии.

Это два-три года назад можно было бы гордиться и задирать нос: прискакал на красивом коне, сам красивый и величественный, помог, не слишком-то и утруждая себя, спас... но сейчас-то понимаю, что это мышиная возня для моих нынешних масштабов.

– Вперед, – сказал я Зайчику в ухо. – Не останавливаемся! Даже если прямо перед нами дракон будет выкрадывать или насиловать принцессу... Всех не спасаешь. Их, как муравьев, а мне королевство спасать надо... А то и человечество, как говорят.

Он всхрапнул и ускорил бег, стараясь обогнать Пса. Тот нагло скалился и стелился над землей, как огромная низколетящая птица.

По дороге то и дело попадались отряды вооруженных людей, но мы проскакивали слишком быстро, чтобы они успевали нас остановить и о чем-то спросить, а в погоню за нами никто и не бросался. И слишком быстро мчимся, и одинокий всадник никакой опасности не представляет...

Несколько сел и деревень остались позади, далеко слева на возвышенности проплыл город, еще дальше появился справа город еще крупнее, крепостная стена сохранила отметины жестоких схваток, кое-где видны заплатки из новенького камня, ворота тоже новые, даже доски не успели покрасить.

Я пронесся мимо, на стенах только проводили нас взглядами. Дальше дорога стала оживленнее, чаще попадаются как группки странствующих, так и караваны с нагруженными верблюдами и лошадьми.

Бобик оглядываться перестал, сообразив, что будем мчаться до некой цели по прямой. Арбогастр понесся как гигантская черная стрела, а я зарылся в гриву и все думал о странном существе, живущем в ручье, которое сумело растворить свою суть в реке, теперь ни на сушу, ни в море – там вода соленая, серьезный минус, зато нехилый бонус – бессмертие...

Алхимики утверждают, древние нашли путь к бессмертию, превращаясь вот так в элементы воды, земли или воздуха, потому до сих пор можно встретить живые скалы и даже горы, не говоря уже о деревьях, которым тысячи лет. Но, во-первых, это не бессмертие, потому что даже горы разрушаются через миллионы лет, не говоря уже о деревьях, во-вторых, чем-то этот путь нехорош... И потому, то ли немногие решили доживать остаток жизни в камнях, то ли камень за тысячи лет победил и разум погас, не находя себе применения, но я ни разу не встретил живых и развитых интеллектуально скал...

Солнце сползает к далекому лесу, словно собирается поджечь, как сухую траву. Тучи в небе – уже не тучи, а облака, а так небо чистое, ясное, облака розовые. Мир посветлел перед тем, как погрузиться во тьму, а когда солнце наконец сползло по тверди небосвода, оставляя его таким пурпурно-раскаленным, если бы вдруг дождь – точно бы потрескался, свет не исчез, а плавно перетек в нежно-серебристый и колдовский, словно вокруг заплясали ночные эльфы.

Я оглянулся, луна смотрит нам в спину пристально, как огромный небесный зверь в некотором замешательстве, еще не зная, добыча ли?

– Через лес не попрем, – сказал я. – Бобик, выбирай место для ночлега.

Арбогастр гневно ржанул, когда черный Пес ринулся вперед к быстро приближающемуся лесу, исчез, словно разбился комком тьмы о несокрушимую стену из толстого дерева.

Мы въехали под высокую зеленую крышу не так стремительно, какая-то ветка может и шарахнуть по морде так, что вылетишь, кувыркаясь, как уличный акробат.

В темноте требовательно гавкнуло, арбогастр рысью пошел в ту сторону. Я присмотрелся, убрав ночную пелену с глаз, место неплохое, я сказал довольно:

– Молодец, Бобик!.. В прошлой жизни ты был разведчиком.

Он ринулся целоваться и уверять, что никогда никем не был, а только вот таким, какой есть, замечательный и умный, вообще чудо...

Потом я развел небольшой костер в ямке, чтобы никто не увидел огня издали, подогрел мясо, перекусил и лег под деревом. Бобик сразу примостился рядом, положил голову мне на плечо и тут же бесстыдно заснул раньше меня.

Я еще долго лежал, глядя в темный свод из веток, мучительно раздумывал, не за слишком ли неподъемную задачу взялся. Одно дело – пыжиться перед другими и уверять, что все

схвачено, все под контролем, все идет, как я и задумал... более того, это я все и подтолкнул, чтобы именно так, мол, мои стратегические задачи того требуют, но сам-то понимаю, что меня переиграли, что, вообще-то, слаб в мире сильных, жестоких и умелых...

Когда сопение Бобика у самого уха начало навевать сон, вдали послышались голоса. Я насторожился, к голосам прибавился и неясный шорох, словно несколько человек на грани слышимости идут между деревьями, кое-где продираются через кусты.

– Бобик, – велел я шепотом, – лежать!.. Здесь. И ждать.

Он засопел недовольно, как это без него, это же свинство какое-то и вообще чудовищная несправедливость, но я выкарабкался из-под него, отошел, пригибаясь и всматриваясь изо всех сил.

Они шли медленно через ночной лес, мрачные и закапюшоненные. Время от времени останавливались, я слышал монотонные голоса, к счастью – не пение, было бы совсем гнусно, а всего лишь хоровой речитатив. Когда уже почти скрывались из виду, я увидел, как передний из них взял из рук помощника лопату с короткой ручкой, присел к земле и начал старательно копать.

После того как здесь прошла армия Тьмы, в земле немало осталось амулетов нечистой силы, и все еще находятся недобрые люди, что надеются с их помощью получить власть, хотя бы в своем селе...

Гнев разгорелся в груди, но не успел я сказать себе, что это не мое дело, как гнев перешел в ярость и я уже не мог сидеть, меня подняло то, что туманит разум, я обнажил меч и пошел к ним, яростно сверкая глазами.

– Ночью порядочные люди спят, – сказал я громко, – выходят только любовники и воры, но на любовников вы похожи мало!

Тот, который жадно копал землю, поднял голову и, убедившись, что я один, бросил коротко:

– Убейте дурака.

На меня бросились сразу трое или четверо, за деревьями и не рассмотреть, но ярость не только туманит мозг, но и убыстряет животные реакции, я двигался втрое быстрее, чем эти в черных балахонах, похожих на халаты, бил зло и безжалостно, сперва рукоятью меча, кулаком и ногами, но пару раз меня сильно достали чем-то тяжелым по голове и чуть не выбили руку из плеча, я заорал и начал рубить люто и без пощады.

Крики наполнили лес, нападавшие начали пятиться, я пошел за ними, рубил и топтал, а когда дошел до того, кто уже вытаскивал из земли нечто, вокруг него не осталось то ли охраны, то ли последователей культа Тьмы.

Я протянул лезвие меча и упер ему в шею.

– Застынь или умри!

Он медленно поднял голову, в лесу сплошная темень, но я чувствовал, что видит меня так же отчетливо, как и я его. Наши взгляды скрестились, он смотрел так, словно старался пронзить меня незримым лезвием, но я не ощутил даже холода, а странный холодок чувствую только из земли, откуда торчит наполовину выкопанный позеленевший кувшин из старой меди, небольшой, размером с крупный кубок.

– Что тебе нужно? – спросил он хриплым голосом, но страха я не услышал.

– Что там? – спросил я.

Он ответил так же медленно:

– Если не знаешь... могу сказать что угодно.

– Вряд ли, – возразил я и повертел острием клинка у него перед глазами. – Я пойму, когда врешь. И убью моментально.

– Но ты уже убил многих, – сказал он. – Не сейчас. Раньше. А если доставали нечто, что делает всех людей счастливыми?

Я фыркнул.

– Не смейся. Ночью? Как воры? Прячась от тех, кого собирались осчастливить?

Острие меча уперлось сбоку ему в шею, и на этот раз я не стал его убирать. Незнакомый пробормотал:

– А когда было иначе?

– Ты мне не софитствуй, – пригрозил я. – Умник в ночи... Что там, говори?

Он ответил так же негромко, двигая только губами:

– Только я смогу снять заклятие и сломать печать...

– А я могу просто разбить кувшин, – сказал я грубо.

– Да, – ответил он, – конечно. И злой дух тут же с удовольствием разорвет тебя на части.

– А если пролезет через горлышко, то станет белым и пушистым?

– Горло закрыто особой печатью, – возразил он. – Вылезти может только по желанию того, кто знает особое заклятие.

– Ага, – сказал я саркастически, – это значит, мне с моим рыцарским рылом нечего и думать, чтобы отнять у тебя кувшин и самому покомандовать джином?

Он ответил тихо, потому что острие меча прикасалось к горлу:

– Вы угадали...

Я с силой ткнул клинком, как копьем. Острая сталь рассекла артерию и дыхательное горло. Я повернул меч резко и с нажимом, рванул в сторону. Голова отделилась от тела и упала в траву.

В широко вытаращенных глазах я видел дикое изумление, не должен рыцарь поступать так, как я. Но Логирд уже сказал, что постепенно отхожу от рыцарства и, что хуже всего, потерял ориентиры и не считаю это преступлением.

Переступив через труп, я отковырял мечом землю вокруг кувшина, разрыхлил остатки и, ухватив за горлышко, потихоньку потянул.

Он подался сразу, пошел легко, словно пустой. Хотя, если там джинн, то и должен быть легкий, джины – вроде бы существа из воздуха или чего-то еще невесомого...

Пес прибежал, обнюхал находку и посмотрел на меня в недоумении.

– Думаешь, – огрызнулся я, – обязательно должен знать все на свете? А если ерунда?

Он сел и, наклонив голову набок, приготовился слушать объяснения. Я отмахнулся и, отряхнув комья земли, сунул кувшин в мешок и снова закинул на конский круп.

– Поехали, – сказал я строго. – Трансвааль, Трансвааль, страна моя в огне! Не до джинов, когда с миром такое... А мир, вообще-то, это я!

Вообще-то глупо ехать через лес, но мы уже малость отдохнули, к тому же ночи летом коротки, но даже в ночи можно ехать в ясном лунном свете, как только выберемся из леса.

Настроение улучшилось, хотя, если на то пошло, разумных причин нет. Почти беспричинно, на одном лишь подозрении, убил несколько человек, раньше бы совесть не позволила, а если бы и сделал, неделю бы есть и пить не мог, ночами бы вскакивал... сейчас же подумываю, как бы дотянуться до сумки и вытащить ломоть сыра, что-то пожевать захотелось...

Но я это уже за собой заметил: становлюсь все черствее и в то же время изворотливее. Логирд называет это весьма четким словом, черт бы его побрал, некромант, а честнее и даже чище меня, свинство какое-то...

Но самое худшее, что вот отбил этот кувшинчик без ключа и доволен, будто одержал невесть какую победу. Может быть, и надо было остановиться на таких вот... достижениях? А то полез в высокую политику, а уже видно, что руководить народами – это не по зубам, дурак еще. Или скажем мягче – герой-одиночка.

С двух сторон быстро и угрожающе неслась навстречу, пугая, чернота высоких стволов, но уже наметилось за ними предрассветное небо, и когда мы выметнулись на простор, оста-

вив за спиной хмурую и мрачную массу деревьев, даже Пес, как мне показалось, вздохнул с облегчением.

Заря начала подниматься на востоке, странно похожая на вечернюю, но небо светлело, а лунное серебро на земле теряло блеск, тускнело, наконец восток стал красным, зажглись облака, а еще через полсотни миль мы встретили первое стадо, которое под управлением пастуха и двух лохматых псов выходило из села.

На дороге вскоре встретили подводу с сонным возницей, он выслушал странный вопрос с недоумением, ткнул в пространство кнутовищем.

– Вон там...

Я переспросил:

– А дорога вроде ведет не туда?

Он пробурчал:

– Я думал, тому, кто на таком коне, дороги не шибко нужны.

– Спасибо, – сказал я и бросил ему серебряную монету. – И за теплые слова тоже.

Пес охотно сбежал с дороги, арбогастр тоже с удовольствием ринулся напрямик, и через несколько минут бешеной скачки впереди возник и начал разрастаться каменный город, мрачный и угрюмый, с массивными стенами, однако ворота распахнуты широко, телеги въезжают и выезжают, как в любом другом городе, где жизнь налажена, а старые беды остались позади.

Улицы такие же кривые и тесные, как и во всех подобных городах, но на стенах каменных домов следы ударов тяжелых топоров, несмываемые пятна копоти, мертвая ржавчина, словно засохшая кровь, хотя люди не обращают внимания, голоса беспечные. Часто слышен смех, на перекрестке бродячие актеры дают представление...

Арбогастр продвигался медленно, Пес идет рядом смирно и чинно, смотрит только вперед. Я тоже, как и Пес, упер взгляд в далекую громаду королевского замка, так проще не замечать пристающих уличных торговцев и женщин, назойливо предлагающих свои услуги.

Глава 8

Замок окружен рвом, через него перекинут широкий подъемный мост, уже отвык от такого в Сен-Мари, ров глубокий и широкий, вода течет медленно, но чувствуется, что проточная. Ворота замка распахнуты, решетка поднята, однако наверху в привратных башнях видны прохаживающиеся стражи.

Копыта бодро простучали по дощатому настилу моста. Я проехал под железной решеткой и уже на той стороне, во дворе замка часовой с копьём в руках лениво окликнул из дверей караульной будки:

– Эй, ты кто?

– К королю Фальстронгу, – ответил я, – гонец из Армландии.

Он махнул рукой.

– Проезжай.

Двор широк, суров и строг, ничего лишнего, только серые плиты камня под копытами и стены, окружающие замок, сложенные из таких же глыб. Во дворе только три повозки вдали у стены, пара лошадей у коновязи, еще доносятся удары молота по железу, с той стороны замка наверняка кузница.

У входа в замок двое дюжих стражников скрестили передо мной копья.

– Куда?.. Да еще на коне?

– Ах да, – сказал я и соскочил на землю. – Привык, знаете ли, у нас там все проще...

Оба ухмыльнулись, шутки любят все, но копья не убрали, хотя я передал повод одному из прибежавших сзади конюхов.

Спустя несколько минут появился старший, оглядел меня внимательно и прицельно.

– Кто? С какой целью?

– Ричард, – ответил я, – Длинные Руки. Маркграф Гандерстейма, эрцгерцог архипелага Рейндольса, майордом Сен-Мари, гроссграф Армландии и даже чего-то там фюрст...

Он посмотрел на меня внимательно, в глазах появилось нечто вроде: ага, что-то о таком слышал, но вслух сказал:

– Побудьте здесь.

– Кого-то надо ждать?

– Да, – ответил он сухо, но пояснил: – К вам изволят выйти сенешаль замка.

– Премного благодарен, – ответил я.

– Не за что.

Бобик сидит рядом, как изваяние, только глазами чуть двигает из стороны в сторону. Из ворот вышел важный и породистый человек в богатой одежде и с золотой цепью на груди. По ее размерам я догадался, что это и есть сенешаль, а он издали вперил в меня взгляд, полный подозрения.

– Это вы... Ричард Длинные Руки?

Я ответил с достоинством:

– Он самый.

– Фридрих Геббель, – произнес он с легким поклоном, – сенешаль Его Величества. Лорд малой печати. Сейчас Его Величество занят. Вам будет предложено подождать в общем зале. А сейчас можете переодеться, отдохнуть, помыться, пообедать...

– Спасибо, – ответил я. – Но лучше сразу в зал.

Он понимающе улыбнулся.

– Хотите взглянуть на здешних придворных? Да, понимаю. Следуйте за мной.

Я оглянулся на Бобика.

– Побудь с копытным. Если что, кухню отыщешь сам.

Он вздохнул, посмотрел с укором и побежал в сторону конюшни. Сенешаль проводил его задумчивым взглядом.

– Это где ж такие водятся?

– Да он сам меня нашел, – ответил я туманно. – Милый песик.

– Гм... да, я бы так и сказал.

Часовые на входе в первый зал поймали взгляд сенешаля и не сдвинулись с места, там внутри полутемно, людей немного, но когда вошли в следующий, там уже и помещение вдвое больше, и людей множество, веселых и празднично одетых.

Солнечный свет проникает через узкие окна наверху, зал странно поделен на светлые и полутемные участки, люди то исчезают в тени, то появляются в солнечном свете, а множество свечей в вычурных подсвечниках почти не разгоняют полусумрак.

Женщины здесь одеты строже, чем в Армландии или Фоссано, а по меркам Сен-Мари, так вообще монашки, однако глазки блестят хитро, улыбки расточают со значением, движения грациозны, а мужчины и здесь петушатся и выпячивают грудь, смотрят свысока и всячески подчеркивают свою мощь и грубую силу.

Я держался скромненько и под стеночкой, предпочитая разглядывать народ и вслушиваться в разговоры, умному этого достаточно, чтобы узнать очень многое. Но меня заметили местные щеголи, неспешно приблизились и демонстративно нагло и пренебрежительно начали осматривать мою запыленную дорожную одежду, простые сапоги. Перевязь с мечом я оставил на седле, как и прочее оружие, я же чужак, а эти щеголи едва не сгибаются под тяжестью гигантских мечей, а у их жоака еще и два жуткого вида ножа на поясе.

Он рассматривал меня с подчеркнутым пренебрежением, а его приятель справа громко зевнул и сказал скучным голосом:

– Еще один бродяга с гор...

– Думаете, – проговорил второй, – явился за милостыней?

– Да нет, – возразил первый, – наверняка убежище ищет... Что скажете, дадим?

Третий произнес задумчиво:

– У меня на заднем дворе пес издох от старости... Конура свободна.

Их жоак воскликнул:

– Сэр Скотт! Ваша щедрость не знает границ! Как можно предлагать ему конуру?.. С ума сошли! Конура еще совсем новая!

– Но там блохи, – ответил сэр Скотт задумчиво, – почему нет?

Черная волна поднималась и поднималась, но я гасил и продолжал с самым спокойным видом смотреть мимо них. С подносом в руках прошел слуга, в металлических чашах подрагивает красная поверхность вина, я взял одну и поднес к губам.

Щеголи слишком увлеклись травлей очередной жертвы, слуга прошел мимо, но жоак прикрикнул зло, а когда поднос приблизился, цапнул одну чашу, не глядя, его друзья поспешно разобрали остальное.

Я с самым невозмутимым видом тянул вино сквозь зубы, голова работает лихорадочно, просто дураки ищут забавы или же что-то серьезнее? Вдруг Гиллеберд подсказал своим шпионам и тем, кому доплачивает, чтобы встретили меня и подпортили мне появление в замке короля Фальстронга...

Нет, похоже, просто ищут развлечений. Более того, если сдамся и признаю их лидерство, то, возможно, примут в свой круг, хоть сперва и на самое низшее место, но все-таки буду под их защитой...

Видимо, не переключились на другую жертву, потому что я высок и с виду достаточно силен. Любой жоак хотел бы такого иметь в тупых исполнителях...

Я делал вид, что их шуточки меня не касаются, а они, начиная злиться, нагнетали так, что в зале уже заметили, сперва прислушивались, потом начали сторониться, не спуская с нас встревоженных взглядов.

Другой слуга неспешно двигается мимо, на подносе такие же кубки, я поставил ему свой, наполовину пустой, и повернулся к придворным забиякам.

Они уже не посмеиваются, а хохочут, глаза наглые, хозяева жизни и придворных дам, рассматривают меня, как корову на бойне.

– Милорды, – сказал я вежливо, – вы очень долго и упорно оскорбляли меня, чему свидетели все присутствующие здесь и о чем, безусловно, будет доложено Его Величеству.

Сэр Скотт захохотал:

– О таких пустяках Его Величеству не докладывают!

– Это не будет пустяком, – сообщил я.

– Да ну?

Он как раз подносил ко рту кубок, я коротким ударом вбил его в пасть по самую ножку. Вожак еще не успел убрать улыбку с морды, я ударил ребром ладони, и передние зубы верхней и нижней челюсти с хрустом провалились в глотку.

Пока он хрипел, стараясь выплюнуть обломки зубов, я ухватил за головы двух справа и слева, хряснул лбами друг о друга, и все услышали сухой треск, будто обломился край столешницы.

Пятый, последний из их группы, смотрел выпученными глазами. Я сказал вежливо:

– Сэр... как вас там, вы не отпустили ни одной шуточки в мой адрес, потому я разрешаю вам воспользоваться благородным оружием для поединка. Но так как вы гнусно подхихикивали, как мелкая шлюшка, я вас весьма убью. Голыми руками.

Он завизжал, выхватил меч, лицо трясется, и губы прыгают, движения судорожные, его собутыльники хрипят, разбрызгивая кровь из разбитых лиц, у их вожака вместо рта огромная кровавая дыра, разбитые о зубы губы превратились в красные лохмотья, а сэр Скотт все еще не может выдернуть застрявший во рту кубок.

Несколько человек бросились пятому из той группы на помощь, разделив нас, чему тот явно обрадовался, но не мог показать виду, все-таки дворянин, умирать надо красиво и с гордой улыбкой на устах... хотя и очень не хочется, разъелся на легких хлебах и разнежился в доступных утех.

– Ну? – спросил я. – Я вас все равно найду, вы же понимаете!

Он несколько мгновений смотрел в мое свирепое лицо, мне говорили, что когда я вот такой, легче взглянуть в глаза самой Смерти, затем опустил меч острием в пол и сказал сломленно:

– Я приношу извинения гостю нашего двора за свое недостойное поведение и поведение моих друзей. Они уже наказаны по заслугам, в воле благородного сэра наказать и меня. Я передаю свою жизнь ему в руки.

Все замерли, он говорит красиво и значительно, и несмотря на признание им вины и склоненную голову, симпатии сразу же перепорхнули на его сторону.

И хотя все еще хочется рубануть ребром ладони по этой лицемерно склоненной шее, я некоторое время помолчал, не двигаясь, для значительности, потом небрежно обронил:

– Извинения приняты.

И неспешно повернулся к нему спиной. Этот щеголь все равно не ударит меж лопаток, тоже политик, и понимает, что замазает себя таким гнусным поступком на всю жизнь, ничем не отмоешься ни он, ни его дети и внуки.

Придворные шушукаются уже по всему залу, группу искателей приключений подхватили под руки и то ли вывели на улицу, то ли потащили к лекарям, я не следил, а посматривал, как

в наш зал забежал то один слуга в одежде с гербом короля Фальстронга, то другой, исчезли, зато появились двое придворных, что уже не сводили с меня взглядов.

Появление в зале Фридриха Геббеля, сенешаля Его Величества и лорда малой печати, вызвало некоторое оживление, с ним раскланивались, некоторые старались попасться на глаза и кланялись усерднее других.

Он прошел через зал, я смиренно стою под самой стеной, да не плюнет никто в спину, рассеянно глазаю на женщин, нужно выглядеть именно таким, сэр Фридрих остановился и вперил в меня полный неодобрения взгляд.

– Сэр Ричард, – произнес он сухо, – мне кажется... вы торопите события.

Я изумился.

– Как?

– Его Величеству, – сообщил он, – уже доложили об... инциденте. Его Величество вынужденно прерывает некоторые весьма важные переговоры, чтобы принять вас.

– Как жаль, – ответил я. – Однако, клянусь, это не я затеял!

Он поморщился.

– Так вам и поверят. Ваша репутация вас опережает, ваша светлость! Следуйте за мной.

В главном зале, где мне пообещали прием, гремит веселая музыка, в танцах лихо выплясывают друг перед другом ярко и богато одетые люди. Конечно, «выплясывают», это не то слово, но здесь и это считается вольным и смелым танцем, когда десять на десять на расстоянии пяти шагов друг от друга слегка шевелят коленями и плечами, все – с каменными лицами, чтобы не уронить-с, а вот так кавалер с дамой, и хотя еще не прикасаются друг к другу даже кончиками пальцев, но уже улыбаются и смотрят друг другу в глаза.

Под дальней стеной возвышение с тремя ступеньками, на нем роскошный балдахин, как над королевским ложем, столбы густо покрыты фигурками из золота, сверху слегка свисают края закинутой туда шелковой ткани, так что если ее опустить, то в самом деле вместо двух кресел с высокими спинками можно поставить двойное ложе...

На креслах величественный старик с короткой седой бородой и огненными глазами и юная прекрасная женщина, достаточно молодая с виду, чтобы быть ему внучкой, но на голове у нее такая же корона, как и у него, только поменьше и поизящнее.

Сенешаль подвел меня к величественному господину в роскошнейшем камзоле и с головы до пят в золоте.

– Оставляю вас церемониймейстеру, – сообщил он. – Но мы еще увидимся, ваша светлость.

– Сочту за честь, – ответил я светски.

Церемониймейстер провел меня среди танцующих и остановил перед помостом. Ступеньки покрыты посередине дорожкой из пурпурной ткани, королевский цвет, сапоги короля упираются в нее уверенно и властно, и так же властно он вперил в меня взгляд.

Я коротко поклонился и посмотрел в ответ так же открыто и бесстрашно. Некоторое время мы ломали друг друга взглядами, наконец церемониймейстер, который явно знает о причудах короля, проговорил торжественно:

– Его Светлость Ричард Длинные Руки, маркграф Гандерсгейма, эрцгерцог архипелага Рейнольдса, майордом Сен-Мари, гроссграф Армландии, пфальцграф королевства Фоссано, фюрст...

К моему удивлению, он знает все мои титулы, словно я каждый день тут топчу ковры, король тоже слушает внимательно и как будто что-то мотает на ус, хотя вид у него рассеянный и словно бы отдыхательный, но меня не обманешь, такие люди никогда не отдыхают, по себе знаю.

Церемониймейстер закончил, молодец, хорошие легкие, все на одном дыхании, поклонился и отступил. Король некоторое время рассматривал меня, вид все тот же: а чего явился,

танцевал бы себе, я в твои годы только так и делал, тоже дураком был, наконец он проговорил медленно, не наклоняя головы:

– Ваша светлость...

– Ваше Величество, – ответил я.

Он снова помолчал, давая мне возможность нарушить этикет, но я молчал и рассматривал его с тем интересом, когда смотрят на равного и трезво оценивают его возможности.

Фальстронг понял мой взгляд, нахмурился.

– Ваша светлость, вы умеете ускорять события. Мне пришлось прервать очень важное совещание, чтобы по настоянию моих лордов принять вас вне всякой очередности.

– Благодарю вас, – сказал я. – Ваше Величество, вы всегда отличались мудростью и предусмотрительностью.

– А вы – умением подталкивать события.

– Благодарю...

Он кивнул, спросил уже другим тоном:

– Что привело вас в наши далекие края, ваша светлость?

– Государственные интересы, – ответил я скромно.

– Вот как? – спросил он. – Вы так молоды, сэра Ричард. Слушая о ваших делах, я был уверен, вы намного старше.

– Я молод, но старые книги читал, – ответил я привычно, – потому я местами все же стар. Как леопёрд, пятнами. Это мне помогает в моей... деятельности.

Он сказал медленно:

– Старые знания и молодое сердце?

– И холодная голова, Ваше Величество, – добавил я. – Насчет чистых рук умолчим, мы же здесь не выступаем перед народом.

Он чуть-чуть улыбнулся, повернул голову к королеве.

– Вот видишь, Элизабет, какие бывают правители!

Элизабет вежливо наклонила голову, улыбка поистине королевская: милостивая, царственная и по-женски очаровательная.

– Сэр Ричард, – произнесла она красивым музыкальным голосом, словно учительница пения, – я надеюсь, вы найдете наш двор доброжелательным и хорошо отдохнете.

Я поклонился.

– Не сомневаюсь, Ваше Величество. Ваш супруг и повелитель прекрасно знает, как мы обожаем хорошо отдыхать.

Король улыбнулся уже откровеннее.

– Сэр Ричард, – произнес он, – вы пока поразвлекайтесь по своему вкусу, только старайтесь не перебить половину хвастливых дураков... да-да, уж будьте осторожны, я ваши мотивы понял, а вечером дам вам аудиенцию.

Я поклонился.

– Спасибо, Ваше Величество, за понимание.

Он отмахнулся.

– Да полно вам. Вы же знаете, никакая это не аудиенция. Хоть вы и прибыли без богатой и знатной свиты, как у нас принято, но мы уже наслышаны о вашем особом стиле... и никто, кроме дураков, не воротит нос.

– Спасибо, Ваше Величество, – повторил я уже искренне, – за понимание.

– Я приму вас, – сообщил он, – как правитель правителя.

Я еще раз наклонил голову и отступил, слишком уж многие стали приближаться, стараясь услышать все, о чем мы говорим с королем.

Глава 9

В коридоре спиной к окну стоит в позе ожидания одетый в оранжевое с черным немолодой человек с суровым непроницаемым выражением лица, на груди эмблема короля.

Выждав, когда я приближусь к незримой границе между нами, он коротко поклонился.

– Сэр Клифтон Джонс, доверенный слуга Его Величества, его личный секретарь.

– Сэр Клифтон? – произнес я с вопросом в голосе.

– Если желаете отдохнуть, – произнес он ровным голосом, – мне велено отвести вас в покои, что сейчас готовят для вас.

– Премного благодарен, – ответил я, – но после разговора с Его Величеством я чувствую такое восхитительно радостное возбуждение... ну, вы понимаете, как всегда у простого человека при соприкосновении с чем-то действительно грандиозным! Я не то что не засну, даже просто лежать не смогу – вскочу и буду бегать по комнате.

Он позволил себе намек на улыбку.

– Понимаю вас.

– Потому я лучше прогуляюсь по саду.

– Да, это весьма.

– Не хотите меня проводить?

Он колебался, вижу по лицу, затем вежливо поклонился.

– Если это вам чем-то поможет...

– Очень, – воскликнул я. – Вы самый знающий человек во всем Варт Генце, иначе бы не стали личным секретарем государя!

– Вы мне льстите, – сказал он скромно, но глазки довольно блеснули, коротко и едва заметно, но я такие детали схватываю.

– Нисколько, – воскликнул я. – Уверен, ваше влияние на Его Величество как раз и помогает ему принимать мудрые решения и вести королевство по пути просвещения и накопления материальных ценностей!

– Ах, сэр Ричард...

– Да вы и сами знаете, – сказал я, – что король без вас, как без рук. Одно дело – царствовать, другое – ежедневно готовить для этого почву.

Мы прошли длинным извилистым коридором, ни разу не пройдя залы с придворными, свернули несколько раз вправо и влево, спустились дважды по старым ступеням и вышли из не приметной боковой двери в сад.

Я продолжал рассыпать комплименты положению госсекретаря, на него могут претендовать только самые мудрые и умеющие заглядывать в будущее люди. Клифтон на всякий случай промолчал, хотя глазки заблестели еще больше, но то и дело бросал быстрые взгляды по сторонам.

– Его высочество принц Марсал, – проговорил он вполголоса, – идет в нашу сторону.

– И что?

– Если заговорит, – сказал он уже шепотом, – будьте повежливее.

Я оглянулся, к нам приближается высокий крепкий мужчина в очень дорогом костюме темно-лилового цвета с золотой цепью на груди и множеством золотых украшений. За ним двигаются то ли настолько пышно одетые слуги, то ли настолько верные ему лорды, что выглядят как слуги.

Он замедлил шаг и остановился перед нами, заложив руки за спину. Сильно выпуклые глаза окинули меня с головы до ног. Я воспитанно молчал, наконец он проронил неспешно:

– Ваша светлость...

– Ваше высочество, – ответил я с почтительным поклоном.

Сэр Клифтон отступил в сторону, поклонился и молча ждал. Принц Марсал продолжал оглядывать меня с головы до ног весьма заинтересованно.

– Дорогой сэр Ричард, – сказал он достаточно доброжелательным голосом, – я слышал, группа юных шалопаев задирала вас? Я разберусь и велю всех наказать.

Я отмахнулся.

– Не стоит, ваше высочество.

– Почему? – удивился он.

– Шалопаи, – повторил я. – Юные, хотя двум уже за тридцать, но зрелость не ко всем приходит вовремя. Иные остаются идиотами на всю жизнь.

Он нахмурился, но переспросил:

– Значит, у вас к ним нет претензий?

– Нисколько, – сообщил я. – Мало ли кто их натравил... Бить надо не собаку, а хозяина.

Его зрачки сузились, а ноздри, напротив, расширились в бешенстве, однако он сдержал себя, сказал бодро:

– Вы абсолютно правы! Хотя, я уверен, просто выпили и потому задирались.

– Да, ваше высочество, – ответил я. – Но ничего, я и у других охоту отобью задираться.

– У других?

– Да это я так, – ответил я громко, – на всякий случай. Нас многие слушают, мотают на ус.

Он криво улыбнулся.

– Да, вы правы. Думаю, больше задираться так глупо не будут.

Его лицо и глаза ясно говорили, что да, такая глупость больше не повторится. В другой раз будет что-то похитрее.

Я поклонился.

– Ваше высочество.

– Ваша светлость, – ответил он.

Он прошел мимо, а я посмотрел на лица его сопровождающих, если злость или сочувствие – то и другое хорошо, а равнодушные морды не интересуют.

Сэр Клифтон приблизился и сказал с неодобрением:

– Вы ухитрились вызвать неодобрение его высочества.

– Это его наследник? – спросил я.

Он покачал головой.

– Нет, наследником считается принц Роднерик. Старший сын.

– А на самом деле?

Он пожал плечами.

– Еще неизвестно. У нас система не прямого наследования, короли сами назначают, кому быть после них королем. Могут вообще передать трон внуку...

– Знакомая система, – сказал я. – И более справедливая. Есть еще сыновья?

– Есть, – ответил он без улыбки. – Всего их трое. Правда, он хотел одного, но остальных же не выкидывать...

– Понятно, – вздохнул я, – соперничают?

– Еще как! Даже младшенькому уже сорок. Все считают, что засиделись в наследниках.

– Тогда старшему под пятьдесят?

– Сорок пять, – сказал он. – Они все почти погодки. Было еще двое, но один погиб в уличной драке, а второй наглотался какой-то дряни в болоте, когда ловил изумрудную лягушку, заболел и умер. Извините, что так резко, но оба были слишком уж... резковаты. Их не любил ни отец, ни остальные братья. Ваша светлость, я вынужден оставить вас, в это время у меня назначен прием глав гильдий кожевников и бронников...

Я сказал с уважением:

– Счастливого королевство, где даже таких простых людей принимает сам госсекретарь!

Он поклонился.

– Ваша светлость...

– Сэр Клифтон...

Он удалился, а я, подумав, все же не решился идти в покои, лучше все-таки этот сад, тут не только деревья, но и люди, а не в моем положении провести эти часы взаперти в ожидании решения ответа Фальстронга. Особенно, когда уже понимаю, каким он будет.

В саду прогуливаются парами и целыми группами, одиночек незаметно, да и вообще одинокие всегда подозрительны, мужчины на меня смотрят с пугливым интересом, уже знают про стычку с молодыми бретерами, женщины строят глазки, но не так откровенно, как в Сен-Мари, хотя здесь после нашествия Тьмы мораль и рухнула, но и рухнувшая все еще выше, чем в просвещенных королевствах, где культура на высоте.

Я улыбался и раскланивался, для меня сейчас главное – не отпугивать, а дичь сама набегит, даже если уверена, что она охотник.

К концу прогулки удалось увидеть еще и принца Роднерика. Он мне как-то не понравился сразу, слишком смотрит на всех вызывающе, словно каждого жаждет нагнуть, заставить целовать ему сапоги и наслаждаться чужой покорностью.

Я терпеливо напомнил себе, что это старший сын Фальстронга, потенциальный наследник, с ним нужно быть предельно вежливым и почтительным. Если и скажет что-то оскорбительное, пусть, что с дурака требовать, я здесь ненадолго, завтра уйду, а они тут пусть хоть на голове стоят...

Высокий, крупный, но уже с брюшком и седыми висками, он следил, как придворные проходят, кланяясь ему низко и почтительно. Мне даже показалось, что ему кланяются ниже, чем самому Фальстронгу. Странно, он хоть и старший сын короля, но Фальстронг еще крепок, как старый дуб, что простоял сто лет на просторе и простоит еще неизвестно сколько.

Принцу Роднерику уже сорок пять. Вообще-то можно понять его злое нетерпение: вот уже сколько лет мог бы сидеть на троне и править, так и жизнь пройдет, а королем не побудет...

Я начал присматриваться внимательнее. Благородная сыновья любовь к отцу редко перевешивает у наследников приземленную жажду сесть на трон. Ждут с нетерпением, когда же этот старый пень помрет, а он кажется старым в любом возрасте, с надеждой ловят любые слухи о его немощи, а когда отец подхватит насморк, уже в мечтах примеривают корону.

Роднерик, судя по виду, с детства привык, что ему не перечат, а он получает то, что возжелает. Такие не просто ждут, обычно ищут пути, чтобы ускорить свое восхождение на трон.

Я понаблюдав издали, а затем, от греха подальше перешел в другую сторону сада. Что-то я чересчур быстро привыкаю к роли вершителя судеб, и когда мне напоминают, что это не так, так же слишком быстро даю сдачи, даже не смотрю, кто передо мной. Как всегда, неадекватно оскорблению, хреновый из меня христианин, даже и скоблить не надо, чтобы увидеть дикого и кровожадного варвара.

Король обещал подумать над моим предложением, но это всего лишь вежливый жест. С возрастом даже самые грубые люди перестают грубить без необходимости или грубят вот так, обещая подумать, а на простом языке это означает: пошел вон, дурак, а если не уедешь сам якобы по своим делам, то через некоторое время тебя вызовут к королю, где он прямым языком скажет, что ему влезать в нашу свару просто в лом, что значит, пошлет уже без иносказаний...

По дорожке, ведущей ко мне, идет очень быстро молодая леди в расшитом бисером платье, волосы целомудренно подобраны в высокую хитрую прическу так, чтобы все видели, как их много и какие они пушистые и блестящие.

Сверху чудом держится украшенный бисером чепец, настолько вычурный, что больше похож на корону. Мне показалось, что он чуточку сдвинут, а ворот платья несколько помят

жадными лапами, да и дыхание у леди все же прерывистое наряду с непривычно ярким румянцем на всю щеку.

Она вздрогнула, чуть не наткнувшись на меня, но тут же мило заулыбалась, а я учтиво поклонился.

– Леди...

– Ах, – прошептала она и кокетливо поправила волосы, – как вы меня, бедную, напугали!..

Я предложил:

– Напугать еще?

Она рассмеялась.

– Да, мне так понравилось!

– Гав, – сказал я и показал зубы. – Страшно?... То-то. Меня зовут Ричард, я здесь проездом.

Она присела в церемонном поклоне.

– Леди Мисэлдон из Ланнуа, урожденная Цвейбрюккен.

– Не страшно одной в саду? – спросил я.

Она кокетливо засмеялась, на нежных щеках проступили милые ямочки.

– Ах, сэр Ричард, разве красивая женщина может хоть где-то оказаться одна? Или вы хотите сказать, что я некрасивая?

– Упаси Господи, – сказал я испуганно, – да Господь меня тут же покарает за такую неправду!

– Я уже слышала о вас, – сообщила она, мило опустила глазки, а потом красиво вскинула, словно в изумлении. – Как случилось, что вы прибыли один?

– Ехать пришлось через опасные земли, – объяснил я.

– Ах! – воскликнула она. – Вам нужно было взять с собой еще больше лучших воинов!

Я ответил галантно:

– Большой отряд труднее охранять от чудовищ, чем себя одного.

– Ох, – воскликнула она, – я имела в виду... охранять вас...

– Я слишком нетерпелив, – объяснил я. – Благородные люди едут по дорогам, а я, как дурак, напрямик через реки, леса, горы... зато это коротко и быстро.

Она расхохоталась.

– У нас говорят: герои не ищут брода.

Я с удовольствием смотрел в ее румяное лицо.

– У нас тоже.

Со стороны двorca в тени деревьев нам навстречу идет высокий мужчина в сопровождении двух спутников, тоже в дорогих камзолах, с мечами на широких шитых золотыми нитями перевязях, в сапогах с золотыми шпорами. Увидев нас, средний сперва притормозил, и его спутники тоже остановились, затем он нахмурился и двинулся в нашу сторону уже быстрым шагом.

Они вышли на свет, тень соскользнула с их лиц, я узнал принца Роднерика. Я не успел спросить прелестную спутницу, нет ли у них чего-то общего, из-за чего принц может весьма разозлиться на меня, идет слишком уж быстро, словно готов начать ссору, а она даже не замечает, смотрит на меня и глупо играет глазками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.